

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2013, № 4

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	5
ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ	
Воронин С.А. Принципы поведения в доиндустриальных системах и массовое сознание восточного социума	10
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ	
Акимушкина Е.О. Наваб Музаффар-хан Садозаи и махараджа Ранджит Сингх в поэме Мира 'Али Фанаи «Достойный конец» (к вопросу о формировании жанра <i>джанг-нама</i> в литературе урду XIX в.)	30
ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ	
Хазанов А.М. Мне посчастливилось их знать (из воспоминаний востоковеда)	39
Куделин А.А. И.М. Рейснер о периодизации новой истории Востока	52
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	
Астапчук А.И. К вопросу о «человеческом измерении» в деятельности ОБСЕ	61
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Гвоздева Т.Б. «Олимпийские игры в политике и в культуре». Научная конференция «Восток и Запад: приоритеты эпохи» (Москва, 19 апреля 2013 г.)	70

РЕЦЕНЗИЯ

Воронин С.А., Хазанов А.М. Рецензия на книгу: *Гусаров В.И.* Средиземноморье – незамкнутый эллипс. – М., 2011. – 350 с. 78

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Якеменко Б.Г. Антиграбительский закон 83

НАШИ АВТОРЫ 88

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2013

© Вестник Российского университета дружбы народов, 2013

BULLETIN

SCIENTIFIC
JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

WORLD HISTORY

2013, № 4

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editor's note	5
IDEAS AND POLITICS IN HISTORY	
Voronin S.A. The principles of behavior in pre-industrial systems and mass consciousness eastern society	10
HISTORY OF CULTURE	
Akimushkina E.O. Nawab Muzaffar-Khan Saddozai and maharaja Ranjeet Singh in the poem of mir 'ali fanai «Ode on a good end» (forming of the genre of <i>jang-naamaa</i> in urdu literature)	30
DOCUMENTS AND PUBLICATIONS	
Khazanov A.M. I was lucky enough to know them. From the memoirs of orientalist	39
Kudelin A.A. I.M. Reisner: The periodization of the New History of the East	52
YOUNG SCHOLARS REPORTS	
Astapchuk A.I. Considering «human dimension» of the osce activities	61
SCIENTIFIC LIFE	
Gvozdeva T.B. «The Olympic Games in politics and culture». Academic conference «The Occident and the Orient: Priorities of the Age» (Moscow, 19 Aprils, 2013)	70

REVIEW

Voronin S.A., Khazanov A.M. Review: *Gusarov V.I. Mediterranean – unclosed ellipse*. – М., 2011. – 350 p. 78

ACTUAL COMMENT

Yakemenko B.G. Anti-predatory law 83

OUR AUTHORS 88

© Peoples' Friendship University of Russia, Publication, 2013
© The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, 2013

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПУТИНСКИЙ ГАМБИТ

Дорогие читатели!

Традиционно мы начинаем номер с актуального комментария. По-прежнему в прямом смысле этого слова горячей темой в мировой политике остается Сирия. Позволю себе поделиться с Вами некоторыми мыслями и соображениями по этому поводу.

Сирийский конфликт, без сомнения, уже давно приобрел интернациональный характер, и здесь надо выделить группы интересов. Безусловно, в сирийском конфликте есть интересы Запада и стран Персидского залива. Крайне важны российские интересы. Особняком в сирийском конфликте стоят интересы Израиля, поскольку, как правило, интересы Запада и Израиля всегда совпадали, но в данном случае мы видим их расхождение. По всей видимости, вектор развития склоняется к тому, что Соединенные Штаты и Запад в целом «кидают» Израиль, перенося свои акценты на исламистов. Конечно же, здесь не надо забывать и саму Сирию, в которой все эти события происходят.

Если говорить о Западе, то на первый взгляд возникает ощущение, что Запад, ослепленный борьбой за демократию и права человека, буквально утратил здравый смысл. Поскольку весьма странно принимать решение о поставках оружия людям, которые выкладывают в Интернете ролики, где демонстрируется пожирание сердца и печени своего противника (этим бравитует исламистская группировка «Ан-Нусра»).

Казалось бы, нет никаких здравых аргументов в пользу поддержки Западом так называемой сирийской оппозиции.

С другой стороны, вряд ли в геополитике кто-то так дружно сходит с ума и подвергается массовому психозу. На самом деле ничего нового мы не наблюдаем. Англосаксы продолжают свою линию. В этой связи нельзя не вспомнить знаменитую фразу, сказанную Черчиллем в 1948 г., когда британцы покидали Израиль, о том, что «Англия или не уходит, или уходит, но оставляет войну». В принципе эту диспозицию мы сейчас и видим на Арабском

Востоке. Безусловно, идет геополитическая игра. В декабре 2010 г. семья войны упало, к сожалению, на благую почву – Арабский Восток взорвали.

Особенно следует заметить, что эта дестабилизация крайне нужна Западу и крайне опасна для России. Не зря не так давно представитель ФСБ заявил о том, что сирийские террористы могут оказаться и на российской территории. И надо сказать, что и МИД России, и правительство РФ в целом, и эксперты хорошо понимают эти международные вызовы, поскольку бикфордов шнур, подведенный к Сирии, уже подожжен, а дальше – Иран и, не приведи бог, проблемы, связанные с территорией и нашей страны.

На сегодняшний день Россия занимает, видимо, единственно правильную позицию. За Сирию надо держаться, потому что речь идет не только о поддержке правительства Башара Асада, но и о сохранении и защите собственных национальных интересов. И дело не только в военной базе в Средиземноморье. В Ливии теоретически такая база тоже планировалась. На сегодняшний день и контракты на поставку истребителей МиГ-29, и контракты на поставку зенитно-ракетных комплексов С-300, – это не только поддержка правительства Асада, но это и прямая защита собственных национальных интересов.

Что касается ситуации в самой Сирии, то либо конфликт сейчас резко перейдет в фазу еще более жесткой интернационализации с втягиванием Израиля, либо конфликт будет исчерпан, поскольку на сегодняшний день речь идет о том, что войска Башара Асада фактически добивают мятежников. То, что конфликт перекинулся на территорию Ливана, с одной стороны, тоже свидетельствует о его интернационализации, а с другой стороны, говорит о том, что и Иран, который поддерживает ливанскую «Хезболлу», перешел к довольно активным действиям.

Здесь складывается весьма любопытная ситуация: мы наблюдаем, как разошлись в последнее время интересы ливанской «Хезболлы» и палестинского «Хамаса». «Хезболла» поддерживает сирийское правительство, а «Хамас» стал выступать на другой стороне. В этой связи, кстати, «Хезболла» и потребовала, чтобы «Хамас» немедленно покинул территорию Ливана. Это не удивительно, поскольку «Хамас» подвержен ваххабизму, поэтому по определению не может поддерживать правительство Асада, ведь алавиты являются для них еретиками. И в этом смысле так называемая религиозная солидарность приводит к тому, что «Хамас» фактически меняет источник финансирования, меняя иранское финансирование на катарское. Сейчас ситуация накалилась вокруг пограничного города Эль-Кусейр. И опять же мы видим, как Запад совершенно целенаправленно и как бы «в ослеплении» требует защиты мирного населения от войск Башара Асада, что само по себе абсурдно.

Так называемая оппозиция говорит о том, что не будет принимать участие в готовящемся саммите «Женева-2», пока, по их утверждению, иранские войска и «Хезболла» не покинут Эль-Кусейр. Таким образом, форми-

руется некая ситуация статус-кво, и подобная ситуация позволяет констатировать тот факт, что конфликт неизбежно перейдет в новую, наиболее горячую фазу, поскольку Израиль явно нервничает. Среди населения Израиля все больше муссируются слухи о том, что Запад все-таки предаст Израиль, оставляя его наедине и с сирийской проблемой, и с иранской угрозой.

В самой Сирии все очевиднее становится то, что оппозиции как таковой в стране нет. Скоро должны состояться выборы президента Сирии. По предварительным данным, более 78% населения поддерживает Башара Асада. И в случае, если эти выборы состоятся, то они дадут блестящий результат и серьезные преимущества нынешнему президенту Сирии. Какие тогда аргументы будет выдвигать Запад? Несложно догадаться. Скорее всего, эти выборы будут объявлены нелегитимными, а скорее всего Запад будет прилагать все усилия к тому, чтобы эти выборы не состоялись в принципе.

В заключение хотелось бы отметить, что дальнейшее развитие событий напрямую зависит от позиции России. Если Россия будет последовательна, значит, есть надежда на то, что новая геополитическая картина будет формироваться с учетом российских интересов.

(Из интервью автора М. Леонтьеву в программе «Однако»)

* * *

В этом выпуске «Вестника РУДН» серии «всеобщая история» мы продолжаем публикацию исследования С.А. Воронина, посвященного изучению особенностей массового сознания на Востоке. В своих работах автор отстаивает концепцию равноправия цивилизаций, подчеркивает необходимость их диалога.

В разделе «Документы и публикации» читателям предлагаются воспоминания А.М. Хазанова о выдающихся ученых-востоковедах И.М. Рейснере, Б.Г. Гафурове, Ю.В. Ганковском, Г.Л. Бондаревском, которых автор считает своими учителями. Статья, подготовленная А.А. Куделиным, связана с научным творчеством выдающегося отечественного востоковеда И.М. Рейснера. Публикуемая рукопись представляет собой его выступление по периодизации новой истории стран Востока, а также стенограмму посвященной этой проблеме дискуссии.

В материале, предложенном Е.О. Акимускиной, изучаются отдельные аспекты истории индийской культуры начала XIX в.

Наш журнал, как и прежде, открыт для молодых ученых. Рассмотрению роли «человеческого измерения» в деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе посвящена статья А.И. Астапчука.

В новой рубрике «Актуальный комментарий» на суд читателей Б.Г. Яценко выносит свои размышления о необходимости срочного противодействия разграблению российского археологического наследия.

В этом выпуске мы публикуем отчет о межвузовской конференции «Восток и Запад: приоритеты эпохи» «Олимпийские игры в политике и в культуре», подготовленный Т.Б. Гвоздевой.

Рецензию на новую монографию В.И. Гусарова «Средиземноморье – незамкнутый эллипс» предлагают С.А. Воронин и А.М. Хазанов.

P.S. Нокаут, переходящий в нокаунт.

Когда номер журнала был практически сверстан и отправлен в типографию, произошли события, на которые ваш покорный слуга просто не мог не отреагировать. Стремительное развитие событий вокруг сирийского вопроса в сентябре полностью опровергло ерническое замечание «The New York Times» по поводу того, что молчание Путина в конце августа – начале сентября – признак того, что он смирился с вторжением в Сирию.

На «привет» из США последовал жесткий и корректный дипломатический «ответ» из России. Президент В.В. Путин разыграл великолепный многоходовый гамбит, иногда откладывая шахматные фигуры и надевая боксерские перчатки.

Нокаутом стала российская инициатива по передаче под международный контроль химического оружия Дамаска, прозвучавшая сразу по окончании G-20 в Санкт-Петербурге. В.В. Путин не только спас мир от угрозы Третьей мировой войны, очертания которой уже явственно проступали исходя из воинственной риторики США, но и бросил спасительный канат для утопающей во всеобщем недовольстве как в США, так и в ЕС и губительной внешнеполитической тактики Вашингтона, который с упорством, достойного лучшего применения, настаивал на военной операции против Асада.

Опасность для РФ и всего евразийского пространства, возникнувшая в ходе планируемой спецоперации, отнюдь не преувеличена. На 13-м саммите ШОС президент В.В. Путин подчеркнул: «В непосредственной близости от границ ШОС возникли реальные угрозы проведения военной операции против суверенного государства без санкций СБ ООН». Сценарий, о котором упоминалось в ряде статей автора, мог бы быть реализован у нас глазах. К счастью, этого не произошло.

В.В. Путин переиграл Америку и сделал это с филигранной точностью. Его логика в сирийском вопросе была безупречна.

Основные аргументы:

- мы не поддерживаем Асада, а поддерживаем суверенитет государства;
- мы выступаем за соблюдение норм международного права;
- мы против «исключительности», за разделение субъектов международного права на вассалов и сюзеренов.

Мир услышал Путина. Логика РФ победила невнятное бормотание с набившими оскомину псевдодоводами Пентагона и Госдепа. Это и был нокаут.

Нокдауном, поставившим точку в воинственных устремлениях ястребов от бизнеса, инвестирующего в американскую военную промышленность, стала статья В.В. Путина, опубликованная в том же «The New York Times», который злорадно отмечал молчание российского Президента как знак его согласия с американским решением. 12 сентября 2013 г. В.В. Путин доступно, ясно, логично, четко объяснил американцам, почему им не нужна война в Сирии и в чем опасность американской исключительности, которую неоднократно отмечал Барак Обама. Призыв к осторожности, прозвучавший из России, похоронил спецоперацию Пентагона и НАТО. Судья объявил нокдаун.

Немаловажно отметить еще одно обстоятельство. Обама проиграл В.В. Путину не только Сирию. Обама проиграл В.В. Путину Америку. Американский бизнесмен Дональд Трамп, никогда не отличавшийся большой симпатией к России и Путину, в интервью «Fox News» отметил: «То, что он (Путин) сделал – отлично. Путин прекрасно продемонстрировал, что значит быть лидером... Он бросил нашему президенту спасательный трос».

О нелегитимности Асада теперь можно просто забыть, сирийский кризис был разрешен усилиями не Нобелевского лауреата Обамы, призывавшего к войне, а силами России на глазах всего мирового сообщества, меняющей свой имидж, становящейся гарантом сохранения стабильности и порядка.

1 октября 2013 г. Международная Академия Духовного Единства выдвинула кандидатуру Президента РФ на соискание Нобелевской премии мира. И не возникает ни малейших сомнений в том, что Путин ее получит. И это будет справедливо и по-честному, без дураков и шельмования. Ну не нобелевским же лауреатом Горбачевым нам в конце концов гордится?

Из сирийского кризиса необходимо извлечь уроки. Я далек от мысли, что сирийская проблема получила окончательное решение. Однако развитие событий подтвердило тезис о том, что только от позиции России будет зависеть, станет ли мир мультикультурным глобальным пространством или превратится в вотчину одного сюзерена, которому не нужны равные партнеры, а нужны раболепные вассалы. 2 октября 2013 г. патриарх американской политики Г. Киссинджер в очередной раз констатировал внешнеполитическое кредо Белого дома: «США нужна не Сирия, а весь мир». Этого нельзя допустить, ибо в этом случае мир превратится в ад.

Именно от этого предостерегает будущий Нобелевский лауреат Владимир Путин: «Мы разные, но когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными».

Главный редактор
доктор исторических наук, профессор
С.А. Воронин

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

ПРИНЦИПЫ ПОВЕДЕНИЯ В ДОИНДУСТРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ВОСТОЧНОГО СОЦИУМА¹

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье автор пытается выяснить особенности массового сознания на Востоке, справедливо полагая, что они кардинально отличаются от представлений и политической культуры на Западе. Для решения этой задачи он рассматривает проблему онтологического натурализма, концепцию «взаимного распределения» Карла Поляни, выясняет роль общины и специфику патронажно-клиентельного сознания, выявляет влияния колониализма на массовое сознание Востока. Автор отстаивает концепцию равноправия цивилизаций, подчеркивает необходимость их диалога, а не конфликта.

Ключевые слова: доиндустриальные системы, Поляни, онтологический натурализм, культура стыда, Яванская война, шах Надир, информационный поток.

Массовое сознание понимается как подсознание социума, его бессознательное. В индивидуальном сознании подсознательное имеет двойную функцию: оно выступает как обобщенный жизненный опыт, имплицитные жизненные ориентации, т.е. является основой устойчивости индивида; и как источник психических срывов (стрессов). Подобная аналогия наблюдается и в массовом сознании, которое является психическим депозитарием социально-культурного опыта, фактором социальной стабильности и наряду с этим – источником срывов с непрогнозируемыми последствиями в периоды кризисов и значительных социальных изменений. Массовое сознание, в известной мере, подвержено фрейдовской градации индивидуального сознания. В нем также есть Эго, Альтер эго, Я; сознательный и бессознательный уровень.

¹ Продолжение. Начало см.: Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 8–22.

Бессознательное в массовом сознании представлено различными стереотипами мышления, называемыми образцами поведения, нормами жизни, выраженными в привычках и пристрастиях.

Основной характеристикой массового сознания на Востоке является прежде всего его традиционный характер. Традиционный менталитет не есть одно и то же по сравнению с дорелигиозным сознанием и общинно-племенной мифологией.

Под традиционностью мы будем понимать не только сохранность стереотипов социальных отношений, сформировавшихся в прошлом, но и тех, которые сохранились в настоящем. Традиционность является следствием приоритета физического труда над общественным, естественных элементов над преобразованными, доиндустриальной эпохи над индустриальной (1).

Традиционные уклады являются синтезом физического (живого) труда и производительной силы природы. Формируется онтологический натурализм, гармония и неразрывность индивида и космоса. Сам процесс живого труда формирует взаимодействие климата, плодородия почвы с психофизиологическими особенностями индивида.

Обратной стороной онтологического натурализма (невыделенности человека из природы) является отсутствие стремления к индивидуальности. Человек воспринимается как песчинка. Подобная специфика открывает путь к насилию по отношению к индивиду со стороны как социума, так и государства. Причем подобные взаимоотношения воспринимаются как норма.

Известно, что подавляющее большинство аграрных культур Востока не формировало продуктивного животноводства и не знало лошади в качестве тягловой силы в земледелии (2).

Таким образом, неразвитость орудий труда вела к социально-психологической неготовности массового сознания к принятию организации производственного процесса на капиталистической основе. Поэтому именно система распределения, как отмечается в коллективной монографии «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса», стала важнейшим субстратом, местом выявления, материализации идеологических императивов и ограничений, общественных законов и господствующих всеобщих определений (3).

Принцип распределения сформировал особый статус социальных отношений, основанных на межличностных связях и их приоритете. Понятие взаимное распределение – реципрокная редистрибуция – было введено в научный оборот австрийским экономистом, социологом, этнографом Карлом Поланьи. Анализируя генезис рыночных отношений, он пришел к выводу, что существовали и продолжают сосуществовать две формы развития экономических отношений – доиндустриальная и индустриальная. В основе доиндустриальной лежат три принципа: взаимности (реципрокности), перераспределения (редистрибуции) и домашнего хозяйства.

Поланьи особо акцентирует внимание на том обстоятельстве, что институализация этих принципов происходила не с помощью экономики, а с помощью социальной организации (4).

Характеристику доиндустриальных обществ можно дать в следующем виде в соответствии с выводами К. Поланьи (5).

Принципы поведения в доиндустриальных системах.

Принципы:

- взаимности (реципрокности);
- перераспределения (редистрибуции);
- домашнего хозяйства.

Базовая модель:

- симметрия;
- центричность;
- автаркия.

Сфера действия:

- семья;
- общество;
- замкнутая группа (семья, поселение или феодальное поместье).

Цель:

- воспроизводство семьи;
- воспроизводство общества;
- воспроизводство группы.

Связи:

- родственные;
- территориальные;
- родственные и территориальные.

Регулятор процессов:

- магия и традиционный этикет;
- обычаи и закон;
- глава хозяйства (в соответствии с традициями).

Обмен:

- горизонтальный;
- вертикальный;
- взаимный.

Как этнограф, Поланьи отстаивал концепцию «субстантивизма» при описании первобытных обществ, согласно которой в архаичных социумах отсутствуют собственно экономические отношения, а их место заменяют кровнородственные – взаимопомощь, социальная структура, религиозно-магические представления. Обмен, по мнению Поланьи, возник из потребностей взаимоотношений кровных родственников общины, а не, как полагал А. Смит, вследствие естественной потребности людей в обмене (6).

Крайне важным выводом (особенно для ориенталистов) Поланьи является утверждение о том, что рыночные (индустриальные) и редистрибутив-

ные экономики не имеют характера стадийности, а сосуществуют во времени и пространстве. Научным достижением Поланьи следует считать его теорию об устойчивости и рыночных, и редистрибутивных экономических систем (7). Это снимает тезис об ущербности, отсталости экономических укладов Востока и обосновывает их право на существование и развитие в рамках мировой экономической системы.

Принцип частной собственности при подобных отношениях являлся глубоко чуждым массовому сознанию. Даже в наиболее развитых государствах Востока накануне колониального периода, таких как Османская империя, не сформировалось в законченном виде право частной собственности на землю, что, в конечном счете, цементировало прочность и устойчивость общинных отношений, противостоявших формированию новой стратификации общества (8).

Спецификой восточного социума являлась (а во многом и продолжает являться) наличие особого отношения к торговле, которая в равной степени наделена как экономическими, так и социально-культурными функциями. Восточный базар является крупнейшим культурным центром общественной жизни. Это место всеобщего сбора, взаимодействия, контактов и обмена мнениями. Восточный базар – это дискуссионный клуб восточного социума, в котором процесс купли-продажи товара воспринимаются как сопровождение беседы, и поэтому его стоимость резко варьируется в зависимости от субъективных факторов. По мнению Б.С. Ерасова, здесь «происходит интенсивный обмен информацией и культурными ценностями» (9).

На Востоке всегда огромной была роль общины. В основе ее жизни лежал принцип коллективизма – «Мы – все, Я – ничто». «Забота о благе индивидуума была производной от блага общины... Моральный кодекс носил подлинно коллективный характер», – подчеркивает Б. Дэвидсон (10).

Общинно-коллективистские традиции исполняли двойную функцию. Они обеспечивали существование и выступали защитой статуса членов общины. Индивид – не персона, а часть коллективного социального механизма. Его главное предназначение – следовать принципам жизни, освященным традициями. Подобное построение социальных отношений исключает дискуссию и предполагает консенсус как базовый элемент отношений в коллективе. Массовое сознание, базирующееся на общинных, родоплеменных отношениях, приводило к отсутствию традиций оппозиции, ведущих к формированию политических партий, плюрализму. Монизм являлся основой жизни общины. Общинная традиция предполагала авторитарность власти, поскольку подчинение и уважение власти «старших» основано на их авторитете, который неразрывно связан с неукоснительным соблюдением традиций (11).

Эта традиция сформировалась естественным образом, поскольку являлась единственно возможной для обеспечения жизнедеятельности коллектива на этапе борьбы за выживание. Подобная тенденция прослеживается, на наш взгляд, на всех этапах развития восточного социума от древнего мира

до XX в., когда начался процесс строительства наций и борьбы против колониализма. Авторитарно-консолидирующая тенденция являлась и продолжает оставаться доминантой массового сознания и политических отношений на Востоке. Как отмечает Г.И. Мирский, «культ государства приходит на смену почитанию “старейшин” с их традициями и авторитетом» (12).

Общинно-коллективистские отношения приводят к доминированию патронажно-клиентельного сознания. Идентификация индивида происходит прежде всего с малой социальной общностью. В социальной картине преобладают микроколлективы в противоположность макроколлективу – нации. Это является одной из основных причин трудностей процесса складывания и естественного формирования наций на Востоке. Действует примат родовых связей над национальными. Психологически индивид ощущает себя в трех измерениях:

- патриотом государства (на уровне госнационализма);
- националистом (на этническом уровне);
- единицей коллектива (на уровне общины).

Так, например, ливанец-суннит идентифицирует себя с арабом, ливанцем и суннитом. При этом первые два вида идентификации проявляются в экстравертных отношениях, а третье (суннит) определяет его образ жизни в реальности, в интровертном плане (13).

Эта тенденция также способствует авторитарным методам управления восточным социумом. Характерно, что авторитаризм на Востоке всегда имел свое теоретически-практическое обоснование. По сути, он даже казался демократичным отдельно взятому индивиду, ибо тот был уверен в справедливости правила, по которому существует «Большой человек», своеобразный оруэлловский «Старший брат», и существуют «малые люди», «винтики» государственного механизма. Только «Старшему брату» известна истина в последней инстанции, только он способен принять решение и только его решение будет единственно верным.

Отсюда типично восточное отождествление лидера-правителя и Бога. В группах, приближенных к лидеру-деспоту, всегда царил консенсус. И не только вследствие страха перед выражением собственного мнения, а, как правило, вследствие убежденности в правильности принятия решения лидером.

Спецификой массового сознания традиционных сообществ является разделение мировосприятия по принципу «мы» и «они», «свои» и «чужие», то есть обособление микроколлективов «своих» от окружающих «чужих» коллективов. Эта особенность традиционного массового сознания понимается как солидарность микроколлективов, она вбирает только «своих», отсеивая «чужих». Однако и среди «своих» существует определенная иерархическая регламентация групп: мужчин и женщин, владеющих земельным наделом, и безземельных, членов рода и пришлых. Весьма характерна арабская поговорка: «Я против моего брата, я и мой брат против двоюродного брата, мы с братом и двоюродным братом против “чужих”» (14).

Солидарность не исключает конфликтность в восточном социуме. Конфликты возникают по вопросам статуса, привилегий, имущественного положения. Однако солидарность – первична, конфликтность – вторична. Конфликтность указывает на необходимость более широкой интеграции, нежели клановые отношения.

Солидарность и конфликтность имманентно присущи массовому сознанию на Востоке. В тех государственных образованиях и иных социальных группах, где между ними поддерживается баланс, обеспечивается стабильность и гармония.

Конфликтность как одна из характеристик восточного менталитета, рассматриваемая в отрыве от солидарности, стала оправданием колониальных режимов, которые обосновывали свою политику тем, что покоренные не в силах управлять собой. Колониализм всячески усиливал элементы плюрализма внутри социумов (например, путем инициирования создания политических партий в Ливии в 40-е гг. XX в. военными администрациями Великобритании и Франции) с тем, чтобы в ходе созданного конфликта выступить в роли арбитра, консолидирующего начала, претендуя на роль хранителя традиций солидаризма.

Основой жизнедеятельности индивида в традиционном обществе является его растворение, включенность в солидаристские отношения. Индивид локально солидаризирован (15).

Растворение индивида в коллективе ведет к деперсонализации установок сознания, неразвитости личностного фактора. Согласно И. Кону, существуют «культура вины» и «культура стыда» (16).

Вина понимается в психологии как индивидуальная ответственность индивида, волнения по поводу своей внутренней правоты. «Культура стыда» характерна для локальных сообществ, поскольку ориентирует сознание индивида на «своих», на «мы», не на внутреннюю самооценку, а на мнение окружающих. «Культура вины» – нравственна. «Культура стыда» – моральна.

Локальная ограниченность микроколлективов приводит к унификации этой социальной группы. Дается старт социально-психическим процессам, которые формируют в сознании доминанту этой группы, способствуя антагонизму к другим сообществам. В результате абсолютизируются те признаки этноса, которые имеют условный, вторичный характер, в то время как многие «актуальные свойства (действительно, имеющие значение) – по мнению Ю.В. Бромлея – остаются не фиксированными» (17).

Абсолютизированные характеристики фетишизируются и становятся признаками идентификации индивидов в данном социуме в противоположность к другой группе. Б.С. Ерасов обращает внимание на следующую закономерность: «Чем менее развита общность, чем меньше присущая ей дифференциация отношений, тем “естественнее” предстает содержание сознания. По мере усиления социальной дифференциации повышается значимость культивируемых особенностей поведения» (18).

Массовое сознание на Востоке предельно мифологизировано. Онтологический и социальный натурализм приводит к колоссальной роли слова, жеста и символа. Слово и жест играют не только информативную роль, но и являются квинтэссенцией общественных связей, механизмом воздействия на окружающий социум. Символизм выступает как синтез эмоционально-рациональных установок. Символ – это знаковая система мировосприятия и монолитности микро- и макросоциумов. Символизм выступает как соединение слова и жеста. Символика цементирует общественное бытие. Символы – это то, что присуще только локальной группе; то, что отличает ее от других групп, делает ее индивидуальной, а следовательно, выражает ее сущность, придает ощущение коллектива. Государство и узколокальные лидеры используют символы для установления контроля над социальными группами, с тем чтобы сформировать в индивидуальном сознании боязнь наказания за нарушение традиционных ценностных установок.

Индивидуализм не поощряется общественным мнением. В этом восточное общество прямо противоположно западному, которое оценивается как «*performance society*» (общество достижения), прежде всего индивидуального.

В основе коллективистской традиции лежит уважение к старшим, преклонение и почитание мнений «Старших Братьев». Нарушать указания лидера, «Старшего Брата», означает противопоставить себя всем, нарушить традиции, подвергнуть себя своеобразному остракизму.

С формированием государственности на Востоке государство приняло на себя роль, которую ранее играли старейшины и вожди. Государство носило четко персонифицированный характер. Группа «Старших Братьев» сменилось одним «Братом», вокруг которого сформировалась целая когорта государственных чиновников, административный аппарат. И в этих условиях уважение и подчинение государству оставалось доминирующим фактором жизни общества. Уважение к государственным служащим на Востоке огромно, ибо чиновник служит всем, во имя всех. Бирманская поговорка гласит: «Десять купцов не стоят одного чиновника».

Восточная деспотия сформировала в индивидуальном сознании своеобразную картину мира, в котором, с одной стороны, существовала всемогущая государственная машина, а с другой – сумма индивидуумов, полностью подчиняющихся этой машине, абсолютно от нее зависящих. Такая зависимость укрепилась на Востоке и передавалась из века в век, от отца к сыну.

Таким образом, сохранение и защита символа является основной задачей массового сознания, его коррекция, видоизменение воспринимается на ментальном уровне как разрушение фундамента социального бытия (19).

Символ табуирован в целях установления внутреннего контроля и страха перед наказанием, обрушивающимся на того, кто смеет усомниться в его могуществе и справедливости. Мифологизация традиций массового сознания на Востоке синтезирована с преломлением отношения к окружающей действительности через призму магии, то есть возможности воздействовать

на предметы и людей через символизм (соединение слова и жеста, последующего действия). Дж. Фрэзер отмечает аналогии между магическим и научным мировоззрением: «Как магия, так и наука открывает перед тем, кто знает причины вещей и может прикоснуться к тайным пружинам, приводящим в действие огромный и сложный механизм природы, перспективы, кажущиеся безграничными. Отсюда та притягательность, которой обе обладают для человека» (20).

Магия воздействует на трех уровнях – мысль, слово и действие. В.М. Бехтерев, объясняя мотивированный характер употребления знаков, вывел закон символизма: «Колдун... пользуется для своего ремесла прежде всего языком. Все равно, будет ли целью устранение несчастья или наказание похитителя... дело идет о словесной символизации или символизации иного рода, связанной с событием или с участвующим в нем лицом, а здесь играет роль примитивное суждение по аналогии» (21).

Такая система координат приводит к тому, что массовое сознание на Востоке не дифференцирует отличия магии и науки, по замечанию А.А. Брудного, «видя в них лишь определенные способы исполнения желаний общества и индивида» (22).

Отсюда рождается феномен наделяния. Массовое сознание наделяет социальную реальность, политических лидеров характеристиками, свойствами, которыми те не обладают. Помимо сакральной магии действует открытая магия, широко используемая политическими лидерами Востока. Она связана с публичными актами осуждения и остракизма, символическим уничтожением врага или нанесением ему морального ущерба.

В массовом сознании восточного социума представления о таких категориях, как добро и зло, справедливость, выражены в предельно конкретизированных, персонифицированных образах. Р. Патаи, исследуя специфику арабского индивидуального и массового сознания, пришел к выводу, что в нем первичны субъективные, а не объективные причины и обстоятельства: «До тех пор пока человек объясняет события личностными факторами, он движется по изведанному пути. Включение в его сознание безличных, объективных факторов приводит к осознанию бессилия и неминуемого поражения или нивелирует чувство удовлетворения от достигнутого успеха, который в силу этого выступает теперь как результат собственных способностей по преодолению своих врагов» (23).

Эту мысль продолжает замечание Г. Грюнебаума о том, что «арабский социум видит противника, испытывает чувство унижения и победы в тех случаях, где западный человек усматривает объективные и безличные проблемы» (24).

Персонификация бытия приводит к персонификации лидера. Основой отношений «массы–лидер» становится личная привязанность, лояльность масс к лидеру, вождю. Отношения лидера и массы строятся на безоговорочной поддержке «своего» вождя вне зависимости от его идеологических взглядов. Лидер прав на том основании, что он «свой», то есть предостав-

ляющий «нам» свою протекцию перед лицом опасности, исходящей от «них», «чужих». Расколы внутри социально-политических образований на Востоке происходят не по принципу расхождения идеологических установок, а в связи с конфликтом лидеров, в ходе которых микроколлективы следуют за «своим» вождем, не разбираясь, прав он или нет. В ходе Яванской войны в Индонезии (1825–1830 гг.), несмотря на харизматичность джокьяртского принца Дипонегоро, стоявшего во главе восстания, в результате возникшего раскола в руководстве движения его участники (крестьяне), не задумываясь, последовали за своими традиционными лидерами (25).

Таков вектор «массы-лидер». Вектор «лидер-массы» характеризуется тем, что основным для вождя являются не личные качества и способности индивида, а его преданность и лояльность лидеру. В этих условиях культ личности лидера является формой объективации устремлений масс. На него нацелены ожидания массового сознания, через культивирование его личности устанавливается единство ранее не взаимосвязанных друг с другом индивидов и микросообществ. В отношениях лидера и массы значителен вес моральной символики, одним из важнейших компонентов которой является вербальная активация, воздействующая на субъективные факторы и выступающая регулятором массового сознания и индивидуального поведения.

Массовое традиционное сознание для политического лидера – «*tabula rasa*», оно не содержит ни историзма, ни какой-либо идеологической парадигмы, ни универсализации представлений и образов. Его стилобат – обычаи, мифологические представления и магия как средство регуляции действительности. Это формирует консерватизм сознания, в котором мировоззрение воспринимается как данность во времени и пространстве. Выкорчевыванию подвергается любое отклонение от общепринятой нормы, которое могло бы угрожать монолитности основ существующего порядка. Традиционное массовое сознание не содержит потенциальных установок на его реформирование. Вследствие этого его основными ментальными ценностями являются эгалитарные тенденции и иерархичность.

Под эгалитаризмом понимают соблюдение привычной меры распределения средств существования. Эгалитаризм переплетается с принципом иерархичности. В восточных социумах лидерство (господство) и лояльность (подчинение) воспринимаются как составные части солидарности «своих». В соответствии с этим принципом «патрон» (вождь, шах, марабут, госчиновник) оказывает покровительство клиенту (крестьянину, члену рода), а клиент несет в адрес патрона повинности. Шейхи сенуситских завий в Триполитании и Киренаике во второй половине XIX в. предоставляли протекцию членам братства. Территория завий гарантировала безопасность всем, пребывающим в ней. Рядовые члены общины несли в адрес сенуситских шейхов повинности и платили налоги, между патроном и клиентом действовал своеобразный кодекс чести. В обмен на лояльность и преданность патрон мог даже на время отсрочить исполнение повинностей.

В Иране, где традиционным лидером масс выступало шиитское духовенство, между ним и массой (простыми мусульманами) сформировались следующие взаимоотношения. Сроки выплаты заката и хумса (налогов) устанавливалась заранее. Если «маленький человек» не мог внести их в положенный срок, то выплату можно было перенести под честное слово. Для масс это выступало как символ доверия к ним патрона и означало, что у них есть защитник. Когда бедные семьи из года в год не могли внести налог, духовенство объявляло их неверующими и непокорными, жизнь их становилась невыносимой, они были вынуждены покинуть насиженные места (26).

Так наказывалась экономическая нелояльность. Значительно более тяжким прегрешением, нарушением традиционных установок являлась нелояльность духовная. Участник патронажно-клиентельных отношений должен всем своим образом жизни выказывать лояльность лидеру. Если он исправно выполнял повинности и платил налоги, но редко бывал в публичных местах, вербально не высказывал свою верность вождю, то он подвергался ostracism, система извергала его как чужеродный элемент.

Ценности традиционного массового сознания (солидарность/конфликтность, эгалитаризм-иерархичность) носят амбивалентный характер. Солидаризм взрывается антагонизмом, конфликтностью, однако по окончании противоречий снова воцаряется солидарность. Иерархизм полностью построен на эгалитаризме, который сам по себе является катализатором сознания иерархических структур. В условиях разнополярности и единства векторов ценностей массового сознания восточному социуму необходим механизм саморегуляции, блокирующий и предотвращающий деструктивность социальной жизни. В качестве такого механизма на Востоке выступает институт власти, построенный в макромасштабе на принципе патронажно-клиентельных отношений микроколлективов. Власть несет обязанность по покровительству подданных, а они обязаны быть верными и лояльными на основе сакрального характера власти, опирающейся на традиции.

Главное для власти – незыблемость и перманентное укрепление авторитета. Создается целый комплекс монархо-этатистских культов, целью которых является формирование в массовом сознании представления о власти как источнике благоденствий. Лидеры (вожди, монархи, шейхи) содействуют своему культу, обожествлению. Власть тем самым наделяется особыми сакральными атрибутами. Власть на Востоке имеет отчужденную сущность. Она над массой. Участие массы состоит только в выражении преданности и лояльности.

Одним из важнейших факторов, определяющих специфику восточного массового сознания, является категоричное отрицание жизненных ориентаций и проявлений социальной действительности нетрансцендентного характера. Теоцентризм выступает основой массового мировидения и мировосприятия.

Религиозное сознание выступает в виде синтеза веры-духа и веры-культа, обеспечивая консолидацию, консенсус дифферентов социума, зачастую антагонистичных друг другу.

Таким образом, религиозное сознание выступает имманентно присущей рефлексией, обеспечивающей теоретико-практическое обоснование внутреннего согласия восточного социума, преодолевающее конфликтность (между урбанизированным населением и номадами, между кланами и этносами). Религиозное сознание придает массовому сознанию универсализм, приводящий к межгосударственным контактам, к формированию единого культурного и экономического пространства, то есть к социально-экономической интеграции. Исламский мир, пожалуй, наиболее яркое проявление подобного взаимодействия. Нередко в границах дар-уль-ислама (27) вспыхивали конфликты и войны, однако культурное взаимодействие оставалось неразрывным. При этом соотношение социума (массового сознания) и института политической власти в исламе было и остается одной из самых краеугольных проблем.

В.В. Бартольд отмечал, что теократический идеал продемонстрировал огромную убеждающую силу (28). Он выступает в исламе как система координат, как эталон, по которому массовое сознание исламского мира сверяет социальные «часы». Во имя него предпринимались восстания против власти. Формирующийся разрыв между религиозным сознанием и политической властью приводил к требованию возврата к чистому исламу с его справедливостью и эгалитаризмом.

При изучении массового сознания восточного общества, как многопластового, многомерного, обладающего сложной системой ценностных ориентаций, следует учитывать структурирование культуры «сложных обществ», осуществленную Р. Редфилдом и М. Сингером. Изучая ценностные установки общества и его культурную традицию, они выделяли два уровня: «большую» и «малую» традиции (29).

«Большая» традиция включает в себя фундаментальное достояние традиционного массового сознания, системообразующие духовные ценности: памятники эпоса, сакральное знание, формы исторического сознания (в том числе и привычные типы политического и социального устройства). Основой формирования «большой» традиции выступает духовная рефлексия. Она целенаправленно культивируется, систематизируется и передается от генерации к генерации (30).

«Большая» традиция выступает как «высокая культура», входящая в противоречие с «низкой культурой», то есть с «малой» традицией, которая, по сути, является фольклором и народным промыслом. Она включает в себя народные предания и верования, народное изобразительное «искусство». «Малая» традиция – это обычай, возведенный в абсолют, сопровождающий любые попытки духовного реформирования. Это «мир данностей», противопоставляющий свои ценностные установки «миру сущностей», то есть «большой» традиции (31).

Характерное противопоставление «большой» и «малой» традицией наблюдалось в XIX в. в Индонезии. В этот период культура аристократии

(прияи) окончательно отделилась от деревенской культуры (абанган). Аристократия стала явно противопоставлять себя народу (32).

Следует отметить, что «большая» традиция, несмотря на свой легитимный и культивируемый статус, не является монолитной. Ее развитию присущи дискретность и дифференциация. Ислам как единое религиозное учение вбирает в себя две «большие» подтрадиции: суннизм и шиизм. Как правило, «большие» подтрадиции, сформированные в рамках единого культурного дискурса, одной «большой» традиции, – антагонистичны и непримиримы. Характерным примером является попытка иранского шаха Надира в XVIII в. сформировать единую «большую» традицию в исламе путем примирения суннитов и шиитов. В итоге его действий были сформулированы требования к шиитам, одним из которых стало требование признания законности халифата, что, по существу, означало полный отказ шиитов от основы их политической доктрины. От шиитов хотели слишком больших уступок, одна «большая» традиция, по сути, пыталась идеологически ассимилировать другую. В итоге, чем на большие уступки шли шииты, тем большего требовали сунниты. Диалога не возникло. В результате вспыхнувшего конфликта в 1747 г. был убит сам Надир-шах (33).

В конкретном примере мы наблюдаем наложение двух «больших» подтрадиций на «малую» традицию, то есть взаимодействие двух разнонаправленных векторов массового сознания.

В целом соотношение «большой» и «малой» традиции видится как конгломерат, в котором осуществляется медленный переход от «низкой» культуры массового сознания к «высокой». При этом никогда не возникает «чистоты» продукта. Любой переход характеризуется синтезированными промежуточными вариантами (34).

Взаимосвязь двух традиций видится Р. Редфилду и М. Сингеру «как два потока сознания и действия, имеющие присущие им характеристики, но постоянно переливающиеся один в другой» (35).

Следует отметить, что «малая» традиция жила и продолжает жить как основа массового сознания. «Большая» традиция определяет духовную идентичность и самобытность цивилизаций.

Определяющим фактором колоссальной трансформации обеих традиций на Востоке стал колониализм. Колониальная эпоха нарушила традиционный ритм жизни, привела к разрушению устойчивых связей и контактов традиционного общества. В систему ценностей традиционного коллективизма проникали индивидуалистические настроения, что приводило к конкуренции внутри общины, рода. Начинает меняться весь комплекс социально-психологических представлений. Индивид испытывает крайне болезненную реакцию на слом освященного хроносом и традициями локального миропорядка. Он, по выражению Г. Баландые, «ощущает себя в состоянии беспрестанных изменений, в ситуации неопределенности, и это повергает его в патологическое состояние» (36).

Колониальная идеология и культура европейских держав соприкасались с различным уровнем развития социума на Востоке, от племенных до феодальных образований. Развитые феодальные отношения присутствовали в Индии, Индонезии; родоплеменные охватывали ареал Аравии, Афганистан, арабские страны Северной Африки. Особенно хотелось бы выделить государства так называемого «восточного генотипа» (37), характеризующиеся колоссальной ролью государства и недоразвитостью частнофеодальных отношений (Иран, Османская империя).

Колониализм выступал катализатором этиатизации общества (усиления роли государства во всех сферах социального бытия). Резкая концентрация власти султана в Османской империи в 1826 г. сопровождалась устранением военно-ленной системы и избиением янычарского корпуса (38).

В Египте Мухаммед Али в ходе комплексных реформ уничтожил квазифеодалов-мамлюков с целью создания централизованного государства, которое могло бы противостоять европейскому проникновению и претензиям со стороны Порты (39).

Этиатизация происходила на фоне «неостывающей» сакрализации власти, однако только сакрализации властных инструментов было недостаточно, чтобы власть и социум претерпевали интеграцию. По мнению Б.С. Ерасова, «доминирующей формой массового сознания оставалась религия, религиозные связи были единственно доступной массам неавторитарной формой социальной интеграции» (40). Если этиатистские формы протеста против колониального проникновения терпели фиаско, на смену им приходили движение религиозного или традиционного характера (орден сенуситов в Ливии середины XIX – начала XX в., рифские племена в Марокко в 20-е гг. XX в. и т.п.).

Как уже отмечалось, колониализм приводил к деформации массового сознания восточного социума, разрушал ценностные ориентиры, многие из которых носили весьма перспективный характер. Другим не менее негативным воздействием колониализма являлось прямое насаждение традиционализма, приводящее к консервации восточных обществ. Это был антипод разрушению. Колониальная политика, таким образом, была крайне полярна. С одной стороны, насильственная европеизация и разрушение традиционного общества в одних странах, с другой – консервация традиционности в ее самых архаичных представлениях. Рудольф Л. и Рудольф С. в монографии «Модернизация традиционного политического развития Индии» пишут, что в колониальный период английским ученым было дано поручение перевести с санскрита древние «Закон Ману» и судебные сборники XI–XII вв.

В итоге суды должны были опираться на архаичное законодательство в ущерб современным нормам права. В тех случаях, где пандиты и улемы демонстрировали гибкость, британские судьи проявляли редкостную жесткость и консерватизм. В результате в Индии возникло «состояние заблокированного прогресса, в котором могли быть услышаны только голоса, раздававшиеся из могил» (41).

«Законы Ману» применялись в Британской Индии около 100 лет, пока английская администрация не осознала, что это ведет к конфликту с населением и усиливает местные элиты.

С конца XVIII в. английская колониальная администрация настаивала также на применении шариата для мусульманского населения и шастр для индусов. Колониальная политика имела два вектора: либо она производила ломку традиционных устоев, внедряя чуждые элементы и новации в традиционный социум, либо сознательно закрепляла и усиливала застойность социокультурных явлений.

Подобные действия колонизаторов только способствовали росту сопротивления традиционного сознания «новациям» европейцев. Франц Фанон писал: «Наступлению колонизаторов на чадру колонизованный противопоставляет культ чадры» (42).

Постколониальный период на Востоке, обретение бывшими колониальными и полуколониальными странами независимости в ходе национально-освободительных движений сформировали в итоге особый тип массового сознания и политической культуры, названный академиком Н.А. Симонией «колониальным синтезом» (43). По его мнению, сфера традиционных и архаичных компонентов восточных обществ тесно взаимосвязана. Однако неверно относить к традиционному (на самом деле архаичному) все элементы бывшего колониального или полуколониального общества. Подобное обобщение приводит к необоснованному расширению сферы архаичного (44).

Важно отметить, что к этапу обретения независимости архаичных элементов массового сознания и социальной действительности сохранилось немного. Безусловно, общая картина была поливариативна в разных странах Востока, однако Н.А. Симония выявил закономерность: чем глубже и шире страна вовлекалась в колониальный синтез, тем меньше архаичных структур сохранилось (45).

Поэтому отнюдь не случайно именно полуколониальные страны, такие как Иран, Саудовская Аравия, сохранили, по сути, в первоначальном виде традиционно-архаические элементы. Колониальные страны к моменту получения или завоевания независимости сохранили лишь локально-латентные элементы архаических структур социальной действительности. Основное изменение произошло под воздействием смены способа производства. Н.А. Симония пишет: «Главное изменение, которое произошло с архаичными традиционными структурами, заключалось в смене одного из главных агентов производственного процесса. Старого... агента традиционного способа производства – феодала или государственного чиновника – сменили представители капитала» (46).

В процессе активного включения бывших зависимых стран в мировую интеграцию произошло столкновение двух социально-экономических айсбергов – доиндустриального и капиталистического. Внешний (иностраный) и внутренний (национальный) капитализм привели к деструктивности мас-

сового и индивидуального сознания. У привнесенного капитализма отсутствует потенция к абсорбированию традиционных элементов, поскольку основным изменением становится удар по мелким производителям. Основным следствием «периферийного капитализма» является размывание традиционного социума, массовая пауперизация, что, в конечном итоге, приводит к росту социальной напряженности (47).

Новый обширный информационный поток ведет к невиданному для традиционного массового сознания расширению объема усваиваемой информации. Человек ощущает себя потерянным, утратившим стабильные традиционные ценности. Психиатры, исследуя постколониальные общества на Востоке, выявили, что даже реформы образования, вовлекающие малограмотное население в процесс обучения, вызывают у него сильнейший психический стресс (48).

Именно понимая это, лидер Ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи и выступал против всеобщего обязательного образования.

Общая модернизация традиционных обществ приводит к тому, что под сомнением оказываются ценностные основы традиционного бытия, весь накопленный опыт – семья, община. Возникает ощущение «бездомности», что может привести, а порой и приводит, к непрогнозируемому сценарию развития событий. Опасность коренного слома традиционных ценностей осознавалась и некоторыми крупными идеологами колониализма. Х. Смэтс, в частности, писал: «Падение племенного строя надо предупредить во что бы то ни стало. Если это произойдет, то туземное общество рассыплется на человеческие атомы, что таит в себе опасность всеобщего хаоса» (49).

Отсюда наиболее приемлемой политикой, адекватной уровню развития массового сознания на Востоке, является сохранение (не консервация) его традиционных элементов с поступательным внесением инноваций. По справедливому замечанию В.Г. Хороса: «Традиционные отношения не только сохраняются, но и постоянно возрождаются, воспроизводятся, вплетаются в ткань современных институтов, которые нередко лишь выглядят современными» (50).

Соотношение в современном массовом сознании на Востоке, современного и традиционного, выглядит как сосуществование, а не интеграция. Баланс этот весьма хрупок, стабильность – относительна и может сиюминутно взорваться конфликтностью. Характеризуя южно-азиатскую деревню, Г. Мюрдаль отмечает, что она напоминает «молекулу, между отдельными частями которой возникли крайне сильные напряжения. Хотя эти напряжения переkreщаются таким образом, что сохраняется равновесие, их направление может измениться, и тогда молекула взорвется. Это, очевидно, не может случиться самопроизвольно, а лишь в результате мощной атаки извне» (51).

Речь идет о воздействии капиталистических отношений. Кризис традиционного сознания восточных обществ привел к оживлению импульса эгалитарных настроений (маздакистские движения, восстания тайпинов и т.п.). Вновь

центральное место в массовой психологии занимают мессианские ожидания и актуализированные уравнивательные тенденции. Массовое сознание всегда базировалось на религиозно-уравнивательных установках в исламе, буддизме и др.

На волне борьбы с чуждыми инновациями основным направлением становится стремление к нативизму, понимаемому как общинно-коллективистское действие, стремление к воссозданию утраченной целостности сознания и индивида, и массы. В результате воздействия инородного влияния, формируется два вектора развития:

- 1) приверженность к традициям и их абсолютизация;
- 2) прямо противоположный: то, что «мы» берем от «них», становится «нашим» собственным достоянием (52).

Используя второй вектор, массовое сознание стремится перевернуть иерархию, сведя процесс к простой перемене мест угнетенных и угнетателей (53).

Включение в массовое сознание восточного социума современных элементов не исключает потенции к регрессу сознания к архаичным формам, которые выражаются, по замечанию А.В. Гордона, «в оживлении суеверий, архаических, квазимифологических форм религиозного сознания» (54).

Вьетнамский исследователь Нгуен Нге приводит пример подобного пятного движения сознания. Бывшие борцы вьетнамского Сопротивления после 9 лет, проведенных в военных действиях, неожиданно возвращались к курению опиума, а крестьяне, которые годами участвовали в партизанском движении, вернувшись домой, панически боялись призраков (55).

Все эти противоречивые процессы напрямую связаны со сложной многослойной структурой массового сознания на Востоке. Мировосприятие социума не идет параллельным курсом с быстро меняющейся действительностью. Микрокосм не успевает за динамизмом макрокосма.

* * *

Общей чертой массового сознания как социально-психологического феномена является священное уважение к традициям и консерватизм по отношению к любым нововведениям. Факторы, управляющие массами, подразделяются на временные, ситуативные (преклонение перед личностью, доктриной) и основные (традиции и религия). Категоричность идеалогемм, их многократное повторение оказывает на массовое сознание социума самое значимое воздействие. При всей противоречивости природы массового сознания консолидирующей массы идеей выступает религиозное чувство, центром которого нередко становится политический лидер. Массовому сознанию имманентно присуще ощущать потребность в политическом лидере, вожде, который овладеет его коллективным бессознательным. Массовое сознание иррационально и не обладает самокритикой.

Каждому типу социума соответствует свой тип социальной коммуникации («из уст в уста», СМИ, Интернет). Каждому этапу развития социума со-

ответствует свой тип политического лидера. Массовое сознание прошло путь от «эпохи масс» Г. Лебона и массовой поп-культуры 2-й половины XX в. до глобализации планетарного социума конца XX в. – начала XXI в.

Свойство идентификации, присущее массовому сознанию XIX в., стало абсолютизированным императивом массового сознания XXI в. Стремление к стереотипам группы, нации, социума зачастую подменяет индивидуальные ценности, деиндивидуализирует личность.

Оценивая специфику массового сознания на Востоке, следует снять антагонистическое напряжение при анализе восточной и западной цивилизаций, отказаться от европоцентристских оценок. Научное знание должно быть объективным, а не «восточным» или «западным». Отказ от сциентизма, рассматривающего феномены, явления вне исторического контекста, поможет учитывать динамизм социально-экономических и политических процессов на Востоке, избежать механических сравнений при изучении массового сознания, политической культуры, специфики государства и политического лидерства восточных социумов, позволит не экстраполировать вестернизированные дефиниции и клише на Восток. Важно помнить, что лишь последние пять столетий Восток отставал от Запада (мы являемся современниками процесса, когда картина меняется), а до этого шел впереди.

Для анализа восточного социума, социально-экономических и политических процессов на Востоке следует ввести понятие «иное», «другое» общество, уйти от сравнения по типу «позитив–негатив», поскольку то, что с негативизмом воспринимается на Западе, является единственно возможной моделью на Востоке, гарантирующей устойчивость, стабильность и развитие.

Основной характеристикой массового сознания восточного социума является его традиционный характер. Традиционные уклады выступают как синтез физического труда и производительной силы природы. Формируется онтологический натурализм, т.е. невыделенность человека из природы. Обратной стороной этого явления становится нивелирование стремления к индивидуальности.

Подобная специфика определяла возможность применения насилия к индивиду со стороны государства, которое превращалось в концентр власти, осуществляя реципрокный обмен, который формировал социальные отношения, основанные на приоритете межличностных связей. Реципрокная редистрибуция делала принцип частной собственности чуждым массовому сознанию восточного общества.

Подчеркивая традиционный характер массового сознания на Востоке, прежде всего отмечаем общинно-коллективистские традиции, которые приводят к доминированию патронажно-клиентельных отношений. Их господство способствует авторитарным методам управления восточным социумом.

Идентификация индивида на Востоке происходит прежде всего с малой социальной общностью. Поэтому особенностью массового сознания тради-

ционных сообществ является разделение мира по принципу «мы» и «они», «свои» и «чужие».

Солидарность и конфликтность имманентно присущи массовому сознанию восточного социума. Необходим регулирующий баланс между ними. Арбитром выступает государство.

Индивид на Востоке включен в солидаристские отношения в коллективе, локально солидаризирован. Массовому сознанию на Востоке присущ символизм, как синтез эмоционально-рациональных установок, выступающий как соединение слова и жеста.

В массовом сознании восточного социума представление о морально-нравственных категориях, опираясь на религиозные традиции, выражено в персонифицированных образах. Персонификация бытия приводит к персонификации лидера. Основой отношений «массы-лидер» выступает персонифицированная лояльность масс к лидеру. Отношения «лидер-массы» базируются на безусловной поддержке «своего» лидера вне зависимости от его идеологических взглядов и установок.

Эгалитаризм и иерархичность характеризуют массовое сознание на Востоке, опираясь в качестве детерминанты на патронажно-клиентельную систему.

Теоцентризм выступает основой массового мировидения и мировосприятия.

Включение в массовое сознание восточного социума современных элементов не исключает потенции к регрессу и оживлению архаичных форм сознания. Возвратный, откатный характер массового сознания на Востоке также следует особенно учитывать при анализе уровня политической культуры, природы и механизма функционирования политического лидерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. – М., 1974. – С. 31.
- (2) Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. – М., 1979. – С. 184.
- (3) Там же. – С. 199–200.
- (4) Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2002. – С. 67.
- (5) Там же. – Гл. 4.
- (6) Там же. – Гл. 3 // <http://ecsoman.edu.ru/db/msg90677>
- (7) Там же. – Гл. 4 // <http://www.ie.boom.ru/Polanyi/Polanyi.htm>
- (8) Жуков Е.М., Барг М.А. и др. Указ. соч. – С. 223.
- (9) Ерасов Б.С. Социально-культурные тенденции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 21.
- (10) Дэвидсон Б. Африканцы. – М., 1975. – С. 52.
- (11) Авторитаризм и демократия в «третьем мире». – М., 1991. – С. 141.

- (12) *Мирский Г.И.* Исторические корни авторитарных тенденций и факторы, способствующие их сохранению // *Авторитаризм и демократия в «третьем мире»*. – М., 1991. – С. 142.
- (13) Там же. – С. 148.
- (14) См.: *Ерасов Б.С.* Социально-культурные тенденции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 24.
- (15) Там же. – С. 37.
- (16) *Кон И.* Социальная психология личности. – М., 1969. – С. 86.
- (17) *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 101.
- (18) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные тенденции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 32–33.
- (19) Там же. – С. 33.
- (20) *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 62.
- (21) *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. – Пт., 1921. – С. 133.
- (22) *Брудный А.А.* Магические аспекты и массовое сознание современного Востока // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африке. – М., 1984. – С. 86.
- (23) *Patai R.* The arab mind. – N. Y., 1973. – P. 285.
- (24) *Grunebaum G.E.* Modern Islam. The Search for Cultural Identity. – Berkley L.A., 1962. – P. 146.
- (25) *Другов А.Ю., Тюрин В.А.* История Индонезии. XX век. – М., 2005. – С. 20–21.
- (26) Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – С. 145.
- (27) Мусульманский мир (араб. яз.).
- (28) *Бартольд В.В.* Теократический идеал и светская власть в мусульманском государстве // Соч. – М., 1966. – Т. 6.
- (29) *Redfield R., Singer M.* The cultural role of the cities. – L., 1951. – P. 13.
- (30) *Armillas P.* Civilization // The International encyclopedia of social sciences. – L., 1968. – Vol. 16. – P. 220–221.
- (31) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 139.
- (32) *Другов А.Ю., Тюрин В.А.* История Индонезии. XX век. – М., 2005. – С. 25.
- (33) *Васильев Л.С.* История Востока. – М., 1998. – Т. 1. – С. 302–304.
- (34) *Singer V.* When a Great tradition modernizes // An anthropological approach to Indian civilization. – L., 1972. – P. 210.
- (35) *Redfield R., Singer M.* The cultural role of the cities. – L., 1951. – P. 153.
- (36) *Balandier G.* Les pays «Sous-développés». – P., 1959. – P. 206.
- (37) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные тенденции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 105.
- (38) *Васильев Л.С.* История Востока. – М., 1998. – Т. 2. – С. 292–293.
- (39) Там же. – С. 296.
- (40) *Ерасов Б.С.* Социально-культурные тенденции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 109.
- (41) *Rudolf L.I., Rudolf S.H.* The Modernity of Tradition Political Development in India. – L., 1967. – P. 273.
- (42) *Fanon F.* Sociologie d'une revolution. – P., 1968. – P. 29.
- (43) Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984.
- (44) Там же. – С. 284.

- (45) Там же.
- (46) Там же. – С. 284–285.
- (47) Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. – С. 31.
- (48) Conflict Tension & Cultural Trend in India. – Calcutta, 1969. – P. 48.
- (49) Цит. по: Фольклор и литература народов Африки. – М., 1970. – С. 290.
- (50) *Хорос В.Г.* Противоречивый характер массового сознания // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. – С. 33–34.
- (51) *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». – М., 1982. – С. 307.
- (52) *Mulmann W.E.* Messianismes révolutionnaires du tiers-monde. – P., 1968. – P. 15–16.
- (53) Идеологические процессы... – С. 39.
- (54) *Гордон А.В.* Особенности трансформации крестьянского сознания // Идеологические процессы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1984. – С. 9.
- (55) *Nguen Nghe.* Frantz Fanon et les problèmes de l'indépendance // Pensée. – P., 1963. – № 107. – P. 27–28.

THE PRINCIPLES OF BEHAVIOR IN PRE-INDUSTRIAL SYSTEMS AND MASS CONSCIOUSNESS OF EASTERN SOCIETY

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author tries to find out the specifics of the mass consciousness in the East, believing that they are radically different from the ideas and political culture in the West. To solve this problem it addresses the issue of ontological naturalism, the concept of «mutual distribution» of Karl Polanyi, clarify the role of the community and the specific patron-client consciousness, reveals the influence of colonialism in the mass consciousness of the East. The author advocates the concept of equality of civilizations, emphasizes the necessity of dialogue rather than conflict.

Key words: pre-industrial system, Polanyi, ontological naturalism, the culture of shame, Javanese war, Nadir Shah, the information flow.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

НАБАБ МУЗАФФАР-ХАН САДОЗАИ И МАХАРАДЖА РАНДЖИТ СИНГХ В ПОЭМЕ МИРА ‘АЛИ ФАНАИ «ДОСТОЙНЫЙ КОНЕЦ» (к вопросу о формировании жанра *джанг-нама* в литературе урду XIX в.)

Е.О. Акимушкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Кафедра индийской филологии
Институт стран Азии и Африки
ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В статье на основании анализа системы персонажей поэмы-*маснави* Мира ‘Али Фанаи, написанной на языке урду в первой половине XIX в., делаются выводы о том, что повествование о мученичестве последнего мусульманского правителя Мултана Музаффар-хана Садозаи (1818 г.) построено по модели описания мученической смерти в Кербеле имама Хусейна, внука пророка Мухаммада (680 г.), и что в литературе урду наличествуют поэмы-*маснави* на военную тему, получившие название *джанг-нама* («повествование о войне»).

Ключевые слова: литература урду, поэма-*маснави*, система персонажей, мученичество наваба, имам Хусейн, трагедия в Кербеле, жанр *марсийа*, мотивы восхваления и осмеяния.

Наваб Мултана Музаффар-хан (1779–1818) и махараджа Панджаба Ранджит Сингх (1780–1839) – важные участники исторических событий, развернувшихся на северо-западе Индии в первой половине XIX в., о них сложено множество легенд, они стали героями многочисленных литературных и фольклорных произведений (1).

Одним из наиболее подробных изложений истории их военного противостояния, в результате которого Музаффар-хан был убит в неравном бою в осажденной крепости, а Мултан был взят (2 июня 1818 г.), в литературе урду является поэма-*маснави* «Достойный конец» (*‘Акибат бахейр*), написанная в

первой половине XIX в. Миром Саджидом 'Али Фанаи. Об авторе этой поэмы известно крайне мало: он был одним из представителей Делийской школы поэзии урду, данное произведение он, по всей видимости, создал в период с июня 1818 по 1837 г., так как в конце *маснави* содержится запись о том, что поэма была написана в период правления могольского императора Акбар-шаха II (1806–1837). Рукопись данной поэмы была обнаружена пакистанским юристом 'Умар Камал Ханом, интересующимся историей своего родного города Мултана, в 1974 г. в библиотеке Общества по развитию языка урду в г. Карачи (Пакистан) и издана в 2004 г. Данная поэма никогда не исследовалась с литературоведческой точки зрения.

Следует отметить, что система жанров и жанровых форм литературы урду во многом является производной от таковой персоязычной литературы (2). Жанр поэмы-*маснави* также был заимствован из персоязычной литературы. В этой связи название поэмы (как и названия ее глав) дается на персидском языке, что было традиционным для поэм-*маснави* на урду того времени. В переводе с персидского языка '*Акибат бахейр* означает «*маснави* о хорошем конце», «*маснави* с хорошим концом» (букв.: «с хорошим концом!»).

Настоящая статья посвящена рассмотрению системы персонажей данной поэмы с преимущественным вниманием к образам ее центральных персонажей – Музаффар-хана, последнего афганского правителя Мултана, и Ранджит Сингха, махараджи Панджаба.

Анализ системы персонажей поэмы необходимо предварить небольшим экскурсом в историю этого региона, чтобы создать у читателя ясное представление о событиях, предшествовавших взятию Мултана в 1818 г. (Мултан – город на востоке Пакистана). В течение XVII–XVIII вв. между династиями Сефевидов (1501–1722/1736) и Каджаров (1781–1925) в Иране и династией Великих Моголов (1526–1858) в Индии шла постоянная борьба за контроль над Кандагаром, столицей Южного Афганистана, поскольку он имел большое экономическое значение (в частности, там сходились важные караванные пути). Также в этом противостоянии принимали участие династии Хаттаков (1722–1729), Афшаридов (1736–1802) и Зендов (1750–1794), правившие в Иране после династии Сефевидов. В результате часть афганских племен абдали (дуррани) мигрировала в Южный Панджаб, в том числе в Мултан, где со временем была основана своего рода «афганская колония». Род садозаев (Садозаи-ханы) из этого племени быстро приобрел влияние в регионе, и губернаторы Мултана, назначенные Моголами, власть которых в этой части империи была слаба, стали активно опираться на его поддержку.

Фактически Садозаи-ханы правили Мултаном и прилегающими землями в отсутствие губернаторов, которые чаще всего находились при делийском дворе. Когда Ахмад-шах Дуррани (1747–1772) основал государство Афганистан, то земли, расположенные к западу от реки Сатледж, перешли к афганцам, так что ханы Садозаи стали служить Ахмад-шаху.

Однако с 1772 г. на Мултан начались нападения сикхов (*сикх* в переводе с панджаби означает «ученик»; последователь сикхизма – религии, которая была основана в Панджабе Гуру Нанак (1469–1539)), причем они даже сумели захватить его и удерживали в течение 7 лет, и понадобилось вмешательство сына и преемника Ахмад-шаха – Тимур-шаха Дуррани (1772–1793), чтобы выбить их оттуда. В 1779 г. Тимур-шах Дуррани назначил Музаффар-хана Садозаи правителем Мултана. В 1799 г. Ранджит Сингх захватил Лакхор, а в 1801 г. объявил себя махараджей Панджаба (до 1947 г. одна из провинций Британской Индии) и начал расширять свои владения.

И тут наваб Музаффар-хан стал камнем преткновения, так как он был серьезной силой в этом регионе, он оказывал военную помощь тем правителям, земли которых хотел захватить Ранджит Сингх (города Касур, Джханг, Кот Камалийя). С 1802 по 1818 г. Ранджит Сингх провел как минимум семь военных кампаний против Музаффар-хана. Ему удалось испортить отношения наваба Мултана не только с Кабулом, но и с Ост-Индской Кампанией, во время нападений на Мултан он наносил серьезный ущерб экономике региона.

Тут следует отметить, что наваб Музаффар, судя по данным источников, пользовался значительной популярностью в народе (3). Он был блестящим военным, талантливым администратором, неутомимо строил и улучшал систему ирригации, велел разбивать сады и парки, строил дворцы, при этом ему все время на протяжении периода в 16 лет (1802–1818) приходилось восстанавливать разрушенное войсками Ранджит Сингха.

В январе 1818 г. к стенам Мултана подошла армия из 25 000 сикхов, у которых не было недостатка в оружии и боеприпасах, при этом у них были мощные пушки, между тем как ресурсы Мултана были значительно истощены после предыдущих военных действий и их не успели восстановить. Наваб смог выставить против такой армии всего около 2000 воинов, другой помощи ему ждать было неоткуда.

Известно, что Ранджит Сингх неоднократно предлагал Музаффар-хану сдаться и принять от него земельный надел (*джагир*), что свидетельствовало бы о том, что Музаффар-хан становится его вассалом, но тот отвечал отказом. Музаффар-хан объявляет джихад против сикхов и начинает оборону города. В феврале защитники города были вынуждены отступить в форт, так как они не успевали чинить стены, по которым сикхи вели огонь из пушек. Сопrotивление защитников форта продолжалось до мая. Начались массовые случаи дезертирства. Известно, что наваб Музаффар-хан сам разрешил всем желающим покинуть город, объявив *рухсат-е 'ам* (в переводе с урду букв.: «всеобщее отпущение»).

В результате к началу июня в крепости осталось около 200 чел., в основном это были родные и верные сподвижники наваба, решившие остаться с ним до конца. 2 июня в крепость внезапно ворвалась группа сикхов и, застав осажденных врасплох, захватила цитадель. Увидев это, 80-летний Музаффар-хан со своими родными и соратниками, оставшимися в живых, вступил в неравный бой у ворот крепости и был убит. Он был похоронен с по-

честями, его гробница стала местом паломничества мусульман, почитающих его как одного из мучеников-шахидов, погибшего во время джихада. Мултан был предан разграблению. В течение двух последующих лет Ранджит Сингх захватил весь Панджаб.

Поскольку данная поэма-*маснави* создавалась в рамках традиционалистского художественного мировоззрения (см. об этом подробнее (4)), то вполне естественно, что Фанаи искал в литературной традиции на урду образец, своеобразную матрицу, в соответствии с которой он должен был выстроить свое произведение. Итак, ему нужно было описать мученическую смерть наваба Мултана и его противостояние сикхам, осаждающим крепость. Такой матрицей для описания мученической смерти в мусульманском контексте является история имама Хусейна и его спутников, принявших мученическую смерть в Кербеле (5; 6) (точнее, в местечке Нишава, на месте которого позднее возник город Кербела (7)).

В соответствии с этой моделью, уже хорошо разработанной к тому времени в многочисленных произведениях-*марсиййа* на урду и на персидском (8), Фанаи выстраивает свое произведение. Как и при описании трагических событий в Кербеле, персонажи в данной поэме распределяются по двум группам – положительные во главе с Музаффар-ханом (его родные и ближайшее окружение) и отрицательные во главе с Ранджит Сингхом (его родные, в частности, сын Кхарак Сингх, 'Абд ас-Самад Бадозаи, бывший соратник Музаффар-хана, предавший его и перешедший на сторону сикхов, его свита). Главными персонажами являются наваб Музаффар-хан, Ранджит Сингх и 'Абд ас-Самад Бадозаи. Именно эти образы Фанаи и описывает наиболее подробно. При построении образа наваба Музаффара поэт использует мотивы традиционного восхваления (*мадх*), при построении образов его главных противников Фанаи использует мотивы осмеяния (*хаджв*).

Фанаи выстраивает центральный образ поэмы – образ наваба Музаффар-хана – по образу имама Хусейна. Прослеживаются сходные мотивы в причинах их стремления к мученической смерти, описанных в мусульманском предании в случае с имамом Хусейном и в легендах о мултанском навабе, ставших основой данного *маснави*: они оба хотели таким образом быть угодными Богу.

Естественно, «масштаб» их мученичества различается. Мученическая смерть Хусейна рассматривается в шиизме как «искупительная жертва за грехи человечества», мученичество Музаффар-хана объясняется, в первую очередь, его желанием послужить Богу. Так, в поэме приводится «документальная» деталь, являющаяся реальным фактом его биографии (о «документальных» деталях в произведениях, написанных в период господства традиционалистского художественного мировоззрения, см. (9; 10)): говорится о хаджже, который совершает наваб Музаффар-хан. При этом в поэме содержится мотив «просьбы у Каабы»: наваб просит у Бога даровать ему право умереть мученической смертью, причем от руки неверного (*кафир*) (11):

Отправился он в *хаджж* вместе со своими людьми, // причем отправился туда в надежде обрести желаемое.

Когда подошел он к Каабе, то обратился к Богу с молитвой: // «О Боже, пусть мне будет суждена мученическая кончина.

Если от руки какого-нибудь неверного // будет мне эта кончина, то как бы это было хорошо».

Господь принял его молитву // и точно такую кончину и послал ему (12).

То есть он хотел умереть, ведя джихад, что должно было привести его в рай, туда, где обитают Хусейн и его спутники.

Далее в поэме говорится, что просьба его была услышана, и такое право ему было даровано: в поэме большая часть второй главы как раз и посвящена описанию Страшного суда, на который приходят мученики-шахиды, включая имама Хусейна и наваба Мултана, а также их палачи, и после которого мученики отправляются в рай, а их противники – в ад. Наваб Музаффар, как и имам Хусейн, заранее знает о своей мученической смерти.

Более того, совпадают и мотивы предупреждения о том, что срок мученической смерти приближается: в обоих случаях функции такого предупреждения играют рассказ дочери и сон самого будущего мученика. Так, у Музаффар-хана, как и у имама Хусейна, была дочь, к которой он был очень привязан (то есть опять мы имеем дело с «документальной» деталью). Именно она сообщает отцу, что видела сон, в котором он принимает мученическую смерть, причем она говорит, что этот сон сбудется через девять дней, то есть если считать тот день, в который она рассказывает отцу об этом сне, получаются как раз десять дней. Напомним, что имам Хусейн принял мученическую смерть в 10-й день месяца *мухаррам* (первый месяц мусульманского календаря). В *маснави* также говорится о том, что незадолго до смерти наваб видит сон, предупреждающий о грядущем мученичестве.

Наваб наделяется чертами, сходными с качествами имама Хусейна, о которых говорится в поэтических произведениях, написанных в жанре *марсийа* (в переводе с персидского букв. «оплакивание» – произведения, написанные на смерть кого-либо).

Источником мотивов, с помощью которых в литературных произведениях выстраивался образ имама Хусейна, выступает также агиографическая литература, а также шиитские мистериальные драмы-*тазийе* (13; 14; 15). Так, Музаффар-хан богобоязнен, посвящает много времени чтению Корана, молитве и добрым делам, вместе с тем он демонстрирует качества, необходимые для хорошего правителя, – справедливость, щедрость, заботу о подданных, кроме того, он прославился своей отвагой. Так же, как имам Хусейн, он погибает в неравном бою с врагом, во много раз превосходящим по численности его отряд. Музаффар-хан хотел погибнуть в честном бою на мечах, но был убит многократными выстрелами из винтовок, так как сикхи не рисковали подойти ближе к навабу, славившемуся своей храбростью.

Интересным мотивом, который относится к области проявления Фанаи авторской инициативы в условиях нормативного типа творчества, является мотив «гордости пуштуна»: наваб не может сдать город, поскольку он пуштун, а пуштуны так не поступают (о кодексе *пуштунвали* см. подробнее (16; 17)).

По идее, функцию главного «оппонента» имама Хусейн – халифа Йазид – в рассматриваемой поэме должен выполнять махараджа Ранджит Сингх. Одной из основных черт его характера Фанаи называет жадность: именно наличием этого качества поэт объясняет его желание захватить Мултан:

Жил-был один человек, которого звали Ранджит Сингх. // Он жил в Лахоре.

Услышал он (однажды) о навабе Мултана, – // о том, каким блеском он окружен, как роскошно живет.

Много у него имущества и богатства, // много у него слонов и лошадей.

И стал он тогда завидовать: «Почему бы всему этому не достаться мне?» (18).

Фанаи наделяет Ранджит Сингха хитростью, вероломством, завистливостью. Однако поэт не отказывает ему в отваге, хотя, как и халиф Йазид, он находится далеко от места сражения, в своей ставке в Лахоре. Он хочет захватить Мултан, грозит в своих посланиях Музаффар-хану смертью, но, в первую очередь, он желает, чтобы тот сдал город и стал его вассалом, приняв от него *джагир*. В поэме Фанаи Ранджит Сингх, узнав о мученической смерти наваба Мултана и его родных, о взятии города, сопровождавшемся кровавой резней, заявил, что в его намерения это не входило, что виноват во всем 'Абд ас-Самад Бадозаи, который помог Кхарак Сингху захватить крепость.

Таким образом, реакция Ранджит Сингха на события в Мултани сходна с реакцией халифа Йазид, узнавшего о событиях в Кербеле. Главным виновником кровавых событий в Мултани в поэме Фанаи называется единоверец наваба – 'Абд ас-Самад. Поэтому именно его, а не махараджу Фанаи именует «Йазидом»:

Если назвать его Йазидом, то это будет уместно. // И если проклинать его постоянно, это будет правильно (19).

'Абд ас-Самад наделяется рядом отрицательных качеств, что соответствует поэтике жанра *хаджв*: он предатель, вероломно поступивший со своими единовецами, ему присущи жадность, зависть, трусость. Последняя глава поэмы (перед заключением-*хатима*) посвящена как раз осуждению и осмеянию 'Абд ас-Самада. Сын Ранджит Сингха – Кхарак Сингх – выполняет в поэме функцию Ибн Са'да, предводителя войска халифа Йазид.

Через всю поэму проходит образ «чаши мученичества» (*джам-е шахадат*), которую собирается испить Музаффар-хан. В этой связи интересным представляется композиционное оформление *маснави*. Поэма открывается восхвалением Бога, далее следуют молитвы-*мунаджат*, восхваление пророка Мухаммада, а затем следуют 13 глав-дастанов и заключение-*хатима*. Ка-

ждый дастан завершается двумя бейтами, содержащими пиршественные мотивы (*хамриййат*), первый бейт содержит обращение к виночерпию.

Если мы рассмотрим мотивы *хамриййат* в суфийском ключе, то интерпретация будет следующая: виночерпий, разливающий вино Истины жаждущим, – Господь; те, кто хочет испить это вино, – адепты, стремящиеся к слиянию с Абсолютом; само вино – средство достичь этого слияния. При этом в контексте поэмы под таким средством скорого достижения слияния с Богом понимается как раз чаша мученичества:

О, виночерпий, что мне рассказать о себе! // Ведь все мои мысли связаны с тобой.

Если тебе положено, то наполни мне чашу. // И тогда я снова приму мученическую смерть за хана Музаффара (20).

Мотив опьяненности проходит через всю поэму: например, когда рассказывается о том, что Музаффар-хан увидел вещий сон о своей грядущей мученической смерти, то говорится, что он проснулся «опьяненным вином из чаши мученичества».

Мотив жажды в поэме, который в персоязычной поэзии связан с образом имама Хусейна, присутствует только в завершающих бейтах каждого дастана, в контексте пиршественных мотивов (просьба к виночерпию подать вина); мотива нехватки воды в поэме нет, среди переживаемых тягот упоминаются только трудности выстраивания обороны, с которыми сталкивались защитники города.

Таким образом, завершающие два бейта каждого дастана, исполняя формальную роль маркировки конца очередной главы и объединения всех дастанов в единое целое, выполняют и содержательную роль, перекликаясь с центральной для поэмы темой мученичества и как бы подводя итог каждого дастана (в конце каждой главы адепт просит подать ему вина Истины, то есть в контексте данной поэмы он просит подать ему «чашу мученичества»).

Факт издания данной поэмы представляет большое значение для понимания процесса развития жанра поэмы-*маснави* в литературе урду, поскольку в течение достаточно долгого времени в индологии считалось, что в литературе урду нет поэм-*маснави* военной тематики, а есть *маснави* любовные, дидактические и религиозно-мистические. Функцию «героических» поэм в литературе урду во многом выполняли произведения в жанре *марсиййа*, описывающие трагические события в Кербеле и содержащие батальные сцены. Тут следует пояснить, что исследователи выделяют определенный набор тем, традиционно входящих в произведения, написанные в этом жанре: например, *сарана* (букв. пер. с урду «с ног до головы») – описание внешнего вида и вооружения имама Хусейна и его спутников, *раджаз* (бой) – описание сражения, *байн* (оплакивание) – плач женщин по погибшим (21).

Совершенно необязательно, чтобы все такие темы присутствовали в каждом произведении, написанном в этом жанре, в произведении могут быть представлены лишь некоторые из них по выбору автора, что является выра-

жением авторской инициативы в условиях канонического типа творчества. Теперь же исследование данной поэмы Фанаи доказывает, что в литературе урду наличествуют и свои героические поэмы-*маснави*. Сам Фанаи называет свое произведение *джанг-нама* (22), т.е. «произведение о войне», «военная поэма».

В заключение заметим, что нам предстоит выяснить, существовали ли такие произведения в литературе урду до XIX в., каков их генезис, в какой степени на их формирование повлияли аналогичные персоязычные произведения, произведения на панджаби (героические поэмы-*вары*) и хиндави (поэмы-*расо*, типа «Притхвираджрасо» Чанда Бардаи (XII в.)).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Фанаи М.С.А. Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. 'Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 4–6, 8–9.
- (2) Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. – М., 1968. – С. 175–232.
- (3) Фанаи М.С.А. Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. 'Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 17–19.
- (4) Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 15–23.
- (5) Акимушкина Е.О. Шиитская ритуальная драма (*тазийе*) в персидской литературе XX в. // Религии в развитии литератур Азии и Африки XX века: Сб. статей. – М., 2006. – С. 208–241.
- (6) Прозоров С.М. Ал-Хусайн // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
- (7) Кушев В.В. Карбала // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.
- (8) Vanisadr S. Abbas La Taziye ou le Drame Persan. – Vancouver, 1994. – С. 12.
- (9) Рейснер М.Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. – М., 2006. – С. 238–268.
- (10) Акимушкина Е.О. Жанр *хабсийят* в персоязычной поэзии XI–XIV веков: генезис и эволюция. – М., 2006. – С. 130.
- (11) Тауфик К.И., Сагадеев А.В. Джихад // Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.
- (12) Фанаи М.С.А. Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. 'Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 62.
- (13) Акимушкина Е.О. Шиитская ритуальная драма (*тазийе*) в персидской литературе XX в. // Религии в развитии литератур Азии и Африки XX века: Сб. статей. – М., 2006. – С. 208–241.
- (14) Vanisadr S. Abbas. La Taziye ou le Drame Persan. – Vancouver, 1994. – С. 17.
- (15) Хашими Н. Урду на Декане (*Дакан мен урду*). – Дели, 1985 (на языке урду). – С. 159.
- (16) Фанаи М.С.А. Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. 'Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 65.
- (17) Пелевин М.С. Хушхал-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. – СПб., 2001. – С. 158–164.

- (18) *Фанаи М.С.А.* Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. ‘Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 64–65.
- (19) *Фанаи М.С.А.* Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. ‘Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 102.
- (20) *Фанаи М.С.А.* Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. ‘Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 94.
- (21) *Хашими Н.* Урду на Декане (*Дакан мен урду*). – Дели, 1985 (на языке урду). – С. 354.
- (22) *Фанаи М.С.А.* Достойный конец (*Акибат бахейр*) / Под ред. ‘Умара Камала Хана. – Мултан, 2004 (на языке урду). – С. 62.

**NAWAB MUZAFFAR-KHAN SADDOZAI
AND MAHARAJA RANJEET SINGH
IN THE POEM OF MIR ‘ALI FANAI «ODE ON A GOOD END»
(forming of the genre of *jang-naamaa* in urdu literature)**

E.O. Akimushkina

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Department of Indian Philology
Institute of Asian and African Studies
Mokhovaya Str., 11, Moscow, Russia, 125009

On the basis of analyzing the system of the characters of the poem written by Mir Ali Fanai in Urdu in the first half of the XIX century, the author of the paper has come to the conclusion that the narration of the martyrdom of Muzaffar-khan Saddozai, the last muslim ruler of Multan (1818), was told according to the model of describing the martyrdom of Prophet’s grandson, Imam Hussain, which took place in Karbala in the year of. 680. Besides, the analysis of this poem has confirmed the fact that there are war ballads in Urdu literature, which were named *jang-naamaa*.

Key words: Urdu literature, *masnavi*, system of characters, martyrdom of the nawab, imam Hussain, the tragedy in Karbala, the genre of *marsiyya*, the motifs of panegyric and mockery.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ИХ ЗНАТЬ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОСТОКОВЕДА)

А.М. Хазанов

Институт Востоковедения РАН
Центр исследования общих проблем современного Востока
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Автор публикации, известный востоковед А.М. Хазанов, делится своими воспоминаниями об известных ученым, у которых он учился и с которыми вместе работал на протяжении многих лет.

Ключевые слова: И.М. Рейснер, Б.Г. Гафуров, Ю. В. Ганковский, Г.Л. Бондаревский, востоковедение.

Игорь Михайлович Рейснер. В бытность мою студентом истфака МГУ в 1950-е гг. мне выпало счастье слушать лекции знаменитого востоковеда Игоря Михайловича Рейснера. Игорь Михайлович происходил из семьи остзейских обрусевших немцев дворянского сословия. Его отец Михаил Андреевич Рейснер был профессором Томского университета. Придерживался весьма радикальных взглядов и гордился тем, что один из его предков Николаас Рейснер был другом Эразма Роттердамского (1).

Игорь Михайлович Рейснер получил хорошее образование, знал несколько иностранных языков. Это был человек благородный, воспитанный, интеллигентный в самом высоком смысле этого слова. Он сохранял в душе романтическую жилку. С детства мечтал стать крупным политиком и ученым.

Его ученица К.А. Антонова так описывала внешность И.М. Рейснера: «Игорь был некрасив: он был высок, но у него были маленькие голубые глазки, редкие волосы, узкий нос с горбинкой. Выдающийся вперед острый кадык. Из-за худощавости кости его лица угловато выпирали, и вообще казалось, что его изваял какой-то скульптор-кубист» (2).

В 1919–1921 гг. И.М. Рейснер был первым секретарем знаменитой российской миссии Я.З. Сурица в Афганистане. Он вернулся в Москву в конце 1921 г. и, оставаясь сотрудником Наркоминдела, с сентября 1922 г. по июнь 1924 г. учился на разведчика на восточном факультете Военной академии РККА. Затем работал в московском Институте Востоковедения. В 1928 г. вышла книга И.М. Рейснера «Независимый Афганистан». В конце 1930-х гг. он встретился с женой историка А.Г. Пригожина англичанкой Вайолет Лэнсбери. Позже он стал с ней жить. У них родились два сына. Одним из них был будущий востоковед индолог Лев Игоревич Рейснер (которого я хорошо знал по совместной работе в Институте Востоковедения РАН).

В 1940 г. Вайолет уехала в командировку в Париж и вышла там замуж за брата известного индийского историка-марксиста Палм Датта, бросив И.М. Рейснера с двумя сыновьями.

В 1940 г. Игорь Михайлович женился на враче-педиатре Марии Семеновне Певзнер. В это время он стал преподавать в МГУ и готовить вместе с С.Н. Ростовским в институте истории учебник по новой истории колониальных и зависимых стран, который вышел в 1940 г.

Игоря Михайловича Рейснера всю жизнь подвергали травле. Когда его ученик Г.Г. Котовский спросил его о причине, он получил такой ответ: «Трое из рекомендовавших меня в партию были потом арестованы, моя покойная сестра (Лариса Рейснер – прототип комиссарши в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. – *А.Х.*) была близка с Карлом Радеком, моя жена Мария Семеновна была когда-то близка с известным троцкистом Серебряковым, а моя первая жена-англичанка уехала в Англию» (3).

В начале 1953 г., когда Игорь Михайлович завершил свою докторскую диссертацию на тему: «Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. и распад державы Великого Могола», с ним встретился знаменитый иранист и археолог М.М. Дьяконов и сообщил ему, что был приглашен в ректорат МГУ к одному из проректоров, который сделал такое предложение: «заваливаете Рейснера – получаете заведывание Отделением Востока Истфака». Тот, конечно, отказался.

Тогда Г.Г. Котовский продиктовал Рейснеру письмо М.А. Суслову и список его научных работ, которые сам Рейснер не помнил. Заместитель заведующего Отделом науки ЦК КПСС К. Кузнецова вызвала Рейснера и сказала: «Мы считаем, что вы имели все основания написать нам жалобу. По нашему мнению, Вы можете защитить диссертацию. До свидания» (4).

30 ноября 1953 г. он защитил докторскую диссертацию, а 1 февраля 1958 г., не дожив до 60 лет, скончался.

Г.Г. Котовский так охарактеризовал И.М. Рейснера как ученого: «Он был самым выдающимся историком-востоковедом, основателем отечественной индологии и афганистики. Для меня И.М. Рейснер – это глыба, ученый-колосс. Его фундаментальные работы по Индии и Афганистану охватывают огромный временной диапазон – с XVIII в. по 30-е гг. XX в. и огромный те-

матический диапазон – историю, экономику, политическое развитие этих стран. Поразительно, что все это сделал один человек! У него была любимая тема – аграрный вопрос в этих странах, крестьянство и крестьянская община. Это была центральная тема, которая пронизывает все его работы, ведь это аграрные страны и он считал своей главной задачей выявление экономических и социальных факторов, определяющих политические движения... Благодаря своему гигантскому интеллекту Игорь Михайлович вошел в науку не потому, что сидел на архивах и других источниках. Он вошел в науку как гигантский ум. Он обладал феноменальным аналитическим умом и мог увидеть в фактах то, что никто другой увидеть не мог. За что бы он ни брался, он был пионером исследований» (5).

Игорь Михайлович был не только ученым, он был потрясающим педагогом. Он никогда не навязывал ученику свою точку зрения. Но, беседуя с ним, он умело направлял мысли своего собеседника. Он учил учеников бережному отношению к источнику. Он говорил: «Избегайте любования восточным источником. Источник – это материал для научных конструкций» (6).

Неизгладимое впечатление в моей памяти оставили блестящие и по форме и по содержанию лекции Игоря Михайловича. Как сейчас слышу его неторопливую, четкую, сильно грассирующую речь, его увлекательнейшие рассказы об Индии и Афганистане, изобилующие интереснейшими фактами, оригинальными мыслями и тонким и едким юмором. Почему-то запомнилась его фраза: «Этот факт, несмотря на бешеное сопротивление редакторов, мне все же удалось протолкнуть в мою книгу», а также его афоризм: «Если Индия является замком к Азии, то Афганистан – ключ к этому замку» (7).

Когда в аудиторию входил Игорь Михайлович, мы знали: «Будет интересно!» И наши ожидания всегда оправдывались, потому что И.М. Рейснер был до краев наполнен эрудицией, великолепным знанием истории Востока, а также всякими любопытными историями, которые так любят студенты. Его лекции, полные интереснейших фактов и оригинальных мыслей, его харизма и исходящая от него энергетика завоевывали студенческие души и сердца. Поэтому Игорь Михайлович стал нашим любимым профессором. Его лекции буквально завораживали студенческую аудиторию, оказывали на нее гипнотическое действие. Игорь Михайлович словно забрасывал лассо и увлекал студентов за собой в бурный полет его мысли. Внутренний огонь, пылавший в этом человеке, захватывал, пленял, духовно обогащал.

Говоря о лекторском мастерстве И.М. Рейснера, Г.Г. Котовский заметил: «Я слушал феноменальных лекторов – Тарле, Сергеева. Во время их лекций посторонние люди стояли в коридорах. Но Борис Дмитриевич Греков и Игорь Михайлович Рейснер – это лекторы, которые не только заставляли слушателей восхищаться, но и вводили их в лабораторию научного исследования».

Дело И.М. Рейснера продолжил его талантливый сын востоковед Л.И. Рейснер. В Архиве ИВ РАН храниться любопытный документ: «Приказ

от 28.08.1989 №141-к Рейснера Льва Игоревича, доктора экономических наук утвердить в должности зав. Сектором теоретических проблем национально-освободительного движения Отдела общетеоретических проблем социально-политического развития стран Азии и Северной Африки с должностным окладом 450 руб. в месяц. Зам. Директора Института Востоковедения РАН Р.Б. Рыбаков».

Льва Рейснера у нас в институте называли «наш институтский Сахаров». Он активно выступал на собрании против всяких несправедливостей и пользовался огромной популярностью и авторитетом в коллективе сотрудников. Дочь Льва Игоревича Рейснера преподает в ИСАА, а внук Андрей Александрович Куделин – историк, работает в РУДН.

Бободжан Гафурович Гафуров. В конце 1958 г. после защиты кандидатской диссертации на Истфаке МГУ я пришел туда, где мне предстояло проработать более полувека – в Институт Востоковедения АН СССР (Армянский пер., 2). До этого, несмотря на мою ученую степень, я нигде не мог устроиться на работу. Обошел очень много мест, но куда бы я ни приходил, кадровики показывали мне постановление Моссовета о том, чтобы в Москве никого не брали на работу без московской прописки. Единственным работодателем, которого не смутило отсутствие у меня московской прописки, оказался директор Института Востоковедения АН СССР Б.Г. Гафуров.

Дело в том, что он был в то время весьма влиятельным и могущественным человеком, так как являлся членом ЦК КПСС со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Незадолго до этого, в 1956 г., состоялся исторический XX съезд КПСС, с трибуны которого А.И. Микоян произнес легендарную фразу: «Весь Восток проснулся, а Институт Востоковедения еще спит». Это был приговор для тогдашнего директора института, моего научного руководителя в аспирантуре академика А.А. Губера. Помню, как на обложке журнала «Крокодил» был изображен большой спящий Губер, вокруг которого бегали маленькие желтенькие и черненькие человечки, пытавшиеся его разбудить. Для укрепления работы Института новым директором был назначен бывший первый секретарь ЦК КП Таджикистана Б.Г. Гафуров. Бободжан Гафурович Гафуров родился в 1908 г. в кишлаке Исписар (ныне город Гафуров). Он происходил из рода великого персидского поэта XV в. Комола. Его отец был знаменитым ткачом, его ткани очень ценились в Ходженте. Мать работала учительницей в женской школе и была непревзойденной чтицей средневековых персидских стихов (8). В конце жизни благодаря протекции сына стала членом правления Союза писателей СССР.

Б.Г. Гафуров учился в пединституте. По ночам разгружал вагоны. Из-за этого у него развился костный туберкулез. После операции нога не сгибалась, он ее волочил. Потом окончил Коммунистический институт журналистики в Москве и в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «История

секты исламистов». Его взяли на партработу. Несколько лет работал в аппарате ЦК КП Республики. В 1946 г. уже в качестве секретаря ЦК КП Таджикистана он представлял Сталину таджикских артистов. Сталину понравилось, и он сделал Б.Г. Гафурова первым секретарем ЦК КП Таджикистана (9).

Первым делом он прорыл Большой Гиссарский канал и каждый год получал за хлопок орден Ленина.

В 1947 г. в Душанбе вышла книга Б.Г. Гафурова «Краткая история таджиков» (на таджикском языке). В 1949 г. в Москве под редакцией И.С. Брагинского был издан русский перевод этой книги. В этой работе Б.Г. Гафуров убедительно опроверг ошибочную концепцию, выдвинутую еще в 1941 г. А.Ю. Якубовским в брошюре «История узбекского народа» о том, что все культурно-историческое наследие средней Азии принадлежит узбекам.

Огромной заслугой Б.Г. Гафурова было принятие по его инициативе 14 апреля 1951 г. ЦК КП Таджикистана постановления о создании Академии Наук Таджикистана. Первым ее президентом стал выдающийся писатель и ученый Садриддин Айни. Затем Б.Г. Гафуров открыл в Сталинабаде университет, в который набрал профессоров-изгоев из Москвы и Ленинграда, в основном евреев и диссидентов. В числе приглашенных были Б.А. Литвинский и Е.А. Давидович.

Будучи хозяином Таджикистана, Гафуров спас многих людей от ареста. Берия пожаловался Сталину, что тот не выполняет разнарядку, и он вызвал его к себе. Поскребышев не поздоровался, это был плохой знак. Гафуров вошел в кабинет. Сталин был в гневе и стал кричать: «Почему Вы не выполнили разнарядку?». Гафуров ответил: «Иосиф Виссарионович, Вы из Грузии и знаете, сколько там пещер. В Таджикистане их еще больше. Эти люди, которых мы хотим арестовать, прячутся в пещерах...». «Ну, ладно, поезжайте, занимайтесь хлопком, а на счет пещер я скажу Берии, чтобы он разобрался» (10).

Став директором ИВ РАН, он оказался в родной стихии, так как востоковедение было его любовью и призванием. Принцип подбора кадров у него был тот же, что и в Сталинабаде: собирал обиженных и оскорбленных. Профессора М.А. Коростовцева, который после работы в Египте отсидел и допрашивался лично Берией, он «протолкнул» в академики (минуя членкорреспондента). Французского эмигранта графа Ю.А. Завадовского после тюрьмы взял в институт и дал ему квартиру. Даже афганского принца после отсидки в ГУЛАГе не побоялся пригреть в ИВАНе. Будучи директором ИВАН, Гафуров спас многих диссидентов. По словам Г.Г. Котовского, «у Бабаждана Гафуровича было особое чутье – человека он рассматривал. Как человека и как ученого. И продвигал людей со всякими изъятиями в анкетах. К сожалению, большинство людей тогда были другими. Однажды он сказал академику Е.П. Чельшеву: “Евгений Петрович, в Вашем отделе работают диссиденты Александр Пятигорский, Михаил Занд, Юрий Глазов. Пусть они занимаются наукой, ведь они ученые. Будет жаль, если их выгонят. Я ничего не смогу сделать”» (11).

Хорошо помню, как в нашем институте выступал А.И. Солженицын. Начальник отдела кадров А.И. Кошкин буквально сбился с ног, переписывая тех, кто пришел его слушать. После этого выступления зам. директора В.М. Солнцева вызвали в райком партии и дали основательную «взбучку». Гафуров был очень гуманным человеком. Одна сотрудница – участница Великой Отечественной войны – пожаловалась ему, что ее мужа-инженера уволили с работы по «пятому пункту». Гафуров пообещал устроить его и действительно взял в ИВАН. Другая сотрудница однажды расплакалась у него в кабинете: «Если я не достану лекарство для дочки, она умрет». «Рецепт у Вас есть?», – спросил Гафуров. Он тотчас же поехал в аптеку ЦК КПСС и достал это лекарство.

Гафурову лично я многим обязан: он взял меня на работу, дал жилье и прописку, помог в защите докторской диссертации. В начале 1959 г. он написал письмо в Моссовет, и институту выдели четырехкомнатную квартиру в элитном доме на Фрунзенской набережной, в которой поселили нескольких холостых научных сотрудников.

Гафуров прожил всего 68 лет. Он умер в Душанбе 12 июля 1977 г. До этого 21 год он был директором Института Востоковедения. Главный его труд – «Таджики». Как сказал помогавший ему в этой работе профессор Б.А. Литвинский: «Гафуров сыграл роль Геродота своего народа – он дал ему историю». Библиография его трудов насчитывает несколько сот названий. Среди них есть труды, посвященные истории таджиков, культурно-цивилизационному развитию народов Центральной Азии, истории секты исмаилитов, походам Александра Македонского (в соавторстве с Цыбукидисом), проблемам национально-освободительного движения народов Востока и распада колониальных империй и другие. Многие его работы переведены на западные и восточные языки. 16 лет он был главным редактором журнала «Азия и Африка сегодня».

В 1968 г. За свои научные заслуги Б.Г. Гафуров был избран академиком АН СССР.

Б.Г. Гафуров – политический деятель и ученый – пользовался заслуженным авторитетом и уважением в научных кругах нашей страны и за рубежом. Он был одним из первых лауреатов премии Дж. Неру. В 1970 г. Академик Гафуров был избран почетным доктором наук Алигарского (Индия), а в 1973 г. – Тегеранского университета, иностранным членом академии наук Боснии и Герцеговины, Социалистической Федеративной республики Югославия (1973).

До конца своих дней Б.Г. Гафуров оставался в высшей степени порядочным, благородным и гуманным человеком, отзывчивым и внимательным к окружающим. Таким он запомнился мне и всем тем, кому посчастливилось его знать.

По словам Г.Г. Котовского, у Гафурова было генетическое ощущение принадлежности к своей цивилизации. Когда у него стало плохо с почками, и он лежал в Кремлевке на улице Грановского, он уже знал, что обречен.

И, конечно, он не зря перед этим совершил хадж в Мекку. Я с ним простился в больнице, обратившись к нему: «Хаджи Гафуров». Он уехал умирать в Душанбе (12).

В нашем Институте Востоковедения работает дочь Бободжана Гафуровича, Нинель Бободжановна Гафурова (родилась в 1939 г.). Она окончила восточный факультет Ташкентского университета в 1953 г., кандидат филологических наук, занимается литературой средневековой Индии, в частности творчеством Кабира Грандхакали. В 1999 г. она опубликовала большую статью об отце (13).

Юрий Владимирович Ганковский. Подарком судьбы я считаю свое знакомство с выдающимся востоковедом Ю.В. Ганковским. Ю.В. Ганковский родился в 1921 г. в Харькове. В 1942 г. окончил Исторический факультет МГУ. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 г. его посадили в ГУЛАГ. Выпустили лишь в 1956 г. В лагере он, видимо, был строительным рабочим. Я помню, на одной из дирекций, где долго дискутировался вопрос о ремонте нашего здания, Юрий Владимирович неожиданно сказал: «Заплатите эти деньги мне, и я отремонтирую все это здание». Однажды он рассказал Р.Г. Ланде, как в лагере он вынужден был, опираясь на одних уголовников, противостоять другим. Изредка он рассказывал о том, как трудно интеллигенту выживать в уголовной среде (14). Он терпеть не мог стукачей и, обращаясь к ним, говорил: «Вы хотите, чтобы я опять оказался там же с номером на рукаве?»

Тяжелая судьба не сломала Юрия Владимировича и не наложила на него печать озлобленности и ненависти к людям. Став директором ИВ РАН в 1956 г., Б.Г. Гафуров, старавшийся помочь людям, пострадавшим от советской власти, взял на работу Ю.В. Ганковского, который вскоре стал ученым секретарем Института (1959–1964). Директор издательства Восточной литературы О.К. Дрейер однажды сказал Р.Г. Ланде: «Лучше, чем Ганковский, ученого секретаря ИВ РАН никогда не было». Будучи человеком ответственным, организованным энергичным, умеющим четко формулировать свои мысли, он был «нужным человеком в нужном месте».

Ганковский защитил кандидатскую диссертацию в 1958 г. докторскую – в 1966 г. В 1964 г. он возглавил сектор Пакистана (который до этого возглавлял А.М. Дьяков), а в 1987 г. – основанный им единый Отдел Ближнего и Среднего Востока. В это время директором Института стал Е.М. Примаков, который высоко ценил Ю.В. Ганковского и во всем ему помогал. В 1961 г. он написал (в соавторстве с Л.Р. Полонской) «Историю Пакистана», которая была переиздана в Лахоре. Этот труд был написан на основе первоисточников. Вскоре был издан на английском и на урду его труд: «Народы Пакистана».

В 1975 г. на русском и в 1978 г. на английском была опубликована написанная в соавторстве с В.Н. Москаленко монография «Три Конституции Пакистана».

Ю.В. Ганковский был одним из первых в отечественной истории востоковедов, посетивших в качестве эксперта Афганистан после революции 1978 г. После ввода советских войск он снова посетил Афганистан и представил подробный отчет в ЦК КПСС, за что получил орден Ленина. Позже Ю.В. Ганковский (вместе с В. Коргуном) снова побывал в Афганистане. Они должны были оценить научный уровень афганских ученых (для избрания в АН Афганистана). Ганковский встречался с Наджибуллой. По словам В. Коргуна, Юрий Владимирович был многогранной и противоречивой личностью. Он мог быть резким и даже временами грубым как начальник и в то же время мог быть внимательным и отзывчивым.

Его взгляды определялись эпохой и его суровой судьбой. ГУЛАГ его не ожесточил. Он верил в коммунистические идеалы юности. Свои взгляды он высказывал прямо и нелестно (15). «В 1980 г., вернувшись из Афганистана, он жестко раскритиковал работу советского посольства. Когда на заседании сектора Ирана обсуждался вопрос, что будет, когда умрет Хомейни, Коргун сказал: «Юрий Владимирович, поручите мне написать записку в ЦК КПСС “Что будет после вывода наших войск из Афганистана”». Ганковский ответил: “Витя, ты принимал решение о вводе войск? Нет? Сиди и молчи. Иначе тебе дадут не меньше трех лет”» (16).

Юрий Владимирович отличался прямоотой, всегда говорил то, что думал, и органически был не способен к лицемерию и компромиссам с совестью. Это был человек, который в нашем сплошном советском театре никогда не носил маску. Когда он видел несправедливость, он тотчас же вставал в боксерскую стойку и не боялся вступить в конфронтацию с начальством. Я помню такой случай, когда директор Института М.С. Капица взял на работу одного бездельника, которого мне потом пришлось уволить из отдела за профнепригодность, и представил его на Ученом Совете как афганиста. Неожиданно встал Юрий Владимирович и сказал: «Я такого специалиста по Афганистану не знаю».

Из-за смелости и резкости в суждениях он нашел немало врагов.

Юрий Владимирович являл собою удивительное сочетание интеллекта, энциклопедических знаний и высочайших моральных стандартов. В нем были врожденные и воспитанные деликатность и благородство. Он был человеком кристальной чистоты и порядочности, поступавшим всегда по велению совести и сердца, у него были высокие жизненные принципы. Он был недостижимым образцом русского интеллигента.

В 1999 г. умерла жена Ю.В. Ганковского. Детей у них не было, и после смерти жены Юрий Владимирович жил один в двухкомнатной квартире. Он очень любил путешествовать и объездил практически весь мир. Может быть, это было связано с тем, что почти десять лет он провел за колючей проволокой. Внезапно летом 2001 г. он почувствовал себя очень плохо – у него произошел спазм сосудов головного мозга. Друзья-военные устроили его в военный госпиталь. Через несколько дней его почему-то перевезли в

другую больницу, в 40 км от прежней. Видимо, из-за этого произошло резкое ухудшение его состояния. Юрий Владимирович уже не приходил в сознание и почему-то все повторял слово «португал». Может быть, он вспомнил свою любимую страну? Свою богатую библиотеку Юрий Владимирович завещал сектору Пакистана нашего института.

Григорий Львович Бондаревский. Самой яркой фигурой в нашем отделе и во всем институте был, безусловно, заведующий отделом, всемирно известный ученый Григорий Львович Бондаревский. Подробная биография и характеристика ученого содержатся в изданной в 2005 г. Книге «Ученики учителю. К 85-летию со дня рождения всемирно известного ученого-востоковеда», а также в книге «Портреты историков», вышедшей в 2009 г.

Блестящий эрудит, оригинальный мыслитель, он сделал для нашей науки то же, что Шлиман для Трои. Написанные им фундаментальные исследования буквально катапультировали его на Олимп науки. Его работы поражают интеллектуальны фейерверком и филигранной отделкой.

Мы, ученики Григория Львовича, гордимся тем, что продолжаем его дело, и нам хочется повторить слова сэра Исаака Ньютона: «Нам повезло. Мы видим дальше других, потому, что стоим на плечах гигантов».

Истинный масштаб Бондаревского как ученого и как личности и его вклад в науку пока еще не оценены. Они будут оценены, возможно, только следующими поколениями. Необыкновенная биография и необыкновенные способности Г.Л. Бондаревского возвели его в ранг человека-легенды.

В 1956 г. по приглашению Б.Г. Гафурова Бондаревский переехал из Ташкента в Москву. И стал организатором и руководителем отдела международных вопросов. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что в 1958 г. поступил в именно этот отдел и имел счастье два десятка лет работать и постоянно общаться с этим необыкновенным человеком. Я у него многому научился и сформировался как ученый под непосредственным влиянием этого выдающегося деятеля науки. Под его руководством наш отдел превратился в одно из ведущих научных подразделений Института Востоковедения. Григорий Львович сумел создать блестящий коллектив высококвалифицированных востоковедов-международников. Эта блистательная команда специалистов в 1960–1967 гг. сумела осуществить поистине грандиозный проект: подготовку и публикацию девятитомной серии коллективных монографий «Политика колониальных держав в Азии и Африке». Ответственным редактором был Г.Л. Бондаревский.

В качестве руководителя нашего отдела Григорий Львович пользовался большим уважением и авторитетом среди своих подчиненных и коллег. У него была власть авторитета, а не авторитет власти.

Став руководителем этого отдела в 1990 г., я взял за образец его стиль руководства. Буквально каждое заседание отдела начиналось с того, что он делал 40–50-минутный блистательный по форме и глубокий по содержанию

доклад о наиболее актуальных событиях и международном положении в целом.

Домашняя библиотека Григория Львовича насчитывала 9 тыс. томов. Он был лично знаком с Неру, Индирой и Радживом Ганди, с премьер-министром Кувейта, переписывался с Арнольдом Тойнби.

Григорий Львович часто рассказывал мне забавные случаи из своей жизни. Некоторые его рассказы я записал в дневник.

В 1979 г. он позвонил помощнику Брежнева Самотейкину и сказал, что у него есть идея. Самотейкин пригласил его в ЦК.

– Какая идея?

– Заявить, что СССР отдаст Курилы японцам, если США откажутся от баз на Окинаве и в других местах.

– Сейчас я вызову засекреченную машинистку. Вы ей это продиктуете.

Григорий Львович надиктовал две страницы, но с удивлением увидел, что машинистка оставила в левом углу большое белое пятно. Пришел Самотейкин, открыл сейф, вытащил огромный штамп и поставил в этом углу: «принять к исполнению в течение 48 ч. Андропов, Брежнев» (факсимиле подписей). К этому времени Брежнев уже ничего не сообщал, и помощникам дали право решать за него.

В 1980 г. Григория Львовича вызвал к себе президент АН СССР Келдыш и сказал: «Прочитайте лекцию для аспирантов АН об ирано-иракской войне». В ходе лекции Григорий Львович сказал, что западная пресса называет С. Хусейна Наполеоном. Оказалось, что в зале был студент из Ирака. Он встал и заявил протест. На другой день пришел протест в МИД от иракского МИДа. В дело вмешался секретарь ЦК Б.Н. Пономарев. Григория Львовича вызвали в ЦК и показали стенограмму его лекции. Оказывается, у иракца был портативный магнитофон. Но Григорий Львович сделал сильный ход. Он сказал, что стенограмма всего 15 машинописных страниц, а лекция продолжалась два часа, значит, текст неполный. В общем, он отделался легким испугом.

Однажды его вызвал Громыко, чтобы проконсультироваться по индийско-китайскому конфликту. Григорий Львович лазил по карте, показывая ему линию Мак-Магона, рассказывал, что он нашел в Англии документы, в которых английское правительство признало эту линию как границу.

Эти документы Г.Л. Бондаревский показал Индире Ганди, и в связи с его 80-летием ему вручили в Дели высший индийский Орден Лотоса («Подмашири»).

На своем 75-летнем юбилее в Институте социально-политических исследований РАН (на Ленинском проспекте) Григорий Львович рассказал забавную историю. Когда он работал в Ташкентском университете, он узнал, что в Ташкент приезжает Неру. Он явился к секретарю ЦК Узбекистана Усману Юсупову и сказал: «Неру захочет посетить восточный факультет ТашГУ, а у нас всего 4 комнаты, будет скандал». Юсупов: «Это дело сложное». Нужно

подготовить решение ПБ ЦК Узбекистана о предоставлении нового помещения». Григорий Львович: «А я уже подготовил», – раскрыл портфель и положил перед ним бумагу. Тому пришлось подписать, и востфак получил шикарный особняк, который Неру, конечно, не посетил.

В это время известный кинодокументалист Роман Кармен заявил Юсупову, что имеет поручение от Хрущева снять фильм о визите Неру в Ташкент. Поэтому он хочет, чтобы его машина с кинокамерой ехала впереди машины Неру.

Немедленно вскочил председатель узбекского КГБ, который, обматерив Кармена, заявил, что он отвечает за безопасность Неру и только его машина будет ехать впереди. Тогда Кармен сказал: «Я уезжаю в Москву, все будет доложено Хрущеву. И вряд ли вы усидите в ваших креслах». Назревал скандал.

Тогда Григорий Львович предложил соломоново решение: «Надо сделать так. Садитесь оба в одну машину. Вы будете охранять, а Вы – снимать».

Так и было решено. Юсупов рассыпался в благодарностях: «Ты спас меня от грандиозного скандала. Что ты хочешь за это получить?» Он ждал, что Григорий Львович попросит квартиру или машину. Но Бондаревский сказал: «Разрешите мне 40 минут поговорить с Неру с глазу на глаз».

Эта просьба была удовлетворена. По словам Григория Львовича, беседа с Неру оказала влияние на всю его последующую жизнь. Неру подарил ему свою книгу на английском языке: «Взгляд на всемирную историю». Григорий Львович просил разрешения издать ее на русском. «Только без купюр», – сказал Неру. Григорий Львович с огромным трудом добился ее выхода (там было два письма к дочери о Троцком, но и их удалось пробить).

По словам Григория Львовича, Неру рассказал ему, что в тюрьме у него были хорошие условия. Однажды он даже накричал на охрану: «Я из высокой касты, как вы смеете подавать мне пищу на оловянной посуде?» У него был там даже свой садик. Неру давали газеты и книги. Поэтому он и смог написать «Взгляд на всемирную историю», который Григорий Львович охарактеризовал как лучшую из всех книг, в которых изложена вся история человечества.

Когда в 1983 г. готовилась конференция движения неприсоединения в Дели, Индира Ганди сказала Григорию Львовичу: «Я слышала, что Кастро собирается закатить речь на семь часов». Григорий Львович тогда преподавал в Дипакадемии, где учился советник кубинского посольства в Москве. Он пригласил его и сказал: «Интерес к великим мыслям Ф. Кастро, которые он собирается изложить в Дели, настолько велик, что надо заранее издать их в виде книги и раздать ее всем участникам». Так и было сделано. Кастро сделал лишь вводку на сорок минут. В благодарность за идею через кубинское посольство Г.Л. Бондаревскому передали огромный портрет Ф. Кастро. Индира тоже горячо поблагодарила Григория Львовича, которого пригласили на эту конференцию в Дели. Кастро вручил Индире председательский молоточек, сделанный из слоновой кости.

Второго апреля 1995 г. я позвонил Григорию Львовичу и пригласил его сделать на нашей конференции «Пятидесятилетие великой победы и Восток» доклад по теме «Азия во Второй мировой войне».

Он рассказал мне, что был в Англии, где выступал в «Форин офисе» и в Сандхэрсте (в 100 км от Лондона). В Сандхэрсте висела огромная карта – величиной в стену нашего актового зала. В «Форин офисе» много русских.

В Лондоне Бондаревскому сказали: «Вас хочет видеть одна дама».

– Мне уже надо уезжать.

– Это дочь лорда Керзона.

Григорий Львович проговорил с ней 4 часа. Рассказал ей, что читал в Индии письма Керзона к его первой жене Мэри. При расставании дочка Керзона вручила ему конверт: «Откройте в гостинице». В конверте была записка: «Разрешаю пользоваться личным архивом Керзона». Там Григорий Львович нашел уникальные материалы. Многие копии он привез в Москву, в том числе документы о политике Англии в Центральной Азии.

В моем дневнике есть такая запись: «13 апреля 2000 г. только что мне позвонил Григорий Львович Бондаревский. Рассказал о своей поездке в Индию, где ему вручили высший орден Индии. Обнимая его, президент Индии сказал: “Я знаю, что Индия – в сердце этого человека”».

7 августа 2003 г. Григорий Львович услышал звонок в дверь, это был сын его бывшей домработницы, и поэтому он пустил его в квартиру. Тот стал требовать деньги и, получив отказ, нанес Григорию Львовичу многократные удары молотком по голове.

Грабитель-убийца, проникший по доверчивости профессора в его квартиру с целью вымогательства, кроме орденов ничем поживиться не сумел и, скорее всего, поэтому решил его убить. Объявление о продаже ордена Лотоса, помещенное в Интернете, помогло милиции вычислить этого убийцу.

Известие о трагедии, случившейся 7 августа 2003 г., буквально потрясло меня и всех, кто знал Григория Львовича Бондаревского.

Этих великих востоковедов – И.М. Рейснера, Ю.В. Ганковского, Г.Л. Бондаревского и Б.Г. Гафурова – я считаю учителями, которые сформировали меня как историка-востоковеда. Я горжусь этим, потому что человек, имеющий такую школу, становится похож на часы, изготовленные и отлаженные выдающимся мастером. Мастера уже нет, а часы все идут и идут.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) «В России надо жить долго...» Памяти К.А. Антоновой (1910–2007). – М., 2010. – С. 60.

(2) Там же. – С. 62.

(3) Портреты историков. Время и судьбы. – М., 2004. – Т. 4: Новая и новейшая история – С. 384, 392.

(4) Из выступления Г.Г. Котовского на вечере памяти И.М. Рейснера в ИВ РАН 10.03.1999.

- (5) Там же.
- (6) Там же.
- (7) Хазанов А.М. Пятьдесят лет в Храме востоковедной науки. – М., 2009. – С. 30.
- (8) Каледин С. Толмач // Огонек. – 2010. – 28 июня. – № 25. – С. 46.
- (9) Там же; Халфин Н. Выдающийся советский востоковед (к 70-летию академика Б.Г. Гафурова) // Азия и Африка сегодня. – 1980. – № 4. – С. 60.
- (10) Хазанов А.М. 50 лет в храме востоковедной науки. – М., 2009. – С. 38.
- (11) Выступление Е.П. Челышева на конференции в честь 90-летия Б.Г. Гафурова. ИВ РАН. 10.12.1998.
- (12) Выступление Г.Г. Котовского на конференции в честь 90-летия Б.Г. Гафурова. ИВ РАН. 10.12.1998.
- (13) Гафурова Н.Б. 90-летие академика Бобождана Гафуровича Гафурова // Восток. – М., 1999.
- (14) Выступление Р.Г. Ланды на конференции в честь 90-летия Ю.В. Ганковского. ИВ РАН 06.04.11.
- (15) Выступление В. Коргуна на конференции в честь 90-летия Ю.В. Ганковского. ИВ РАН 06.04.11.
- (16) Там же.

И.М. РЕЙСНЕР О ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА

А.А. Куделин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье публикуется материал, связанный с научным творчеством выдающегося отечественного востоковеда И.М. Рейснера. Публикуемая рукопись написана рукой И.М. Рейснера и представляет собой выступление автора по периодизации новой истории стран Востока, а также стенограмму посвященной этой проблеме дискуссии, проходившей на кафедре истории стран Среднего Востока исторического факультета МГУ.

Ключевые слова: периодизация, новая история Востока, Великие географические открытия, английская буржуазная революция, Великая французская революция.

И.М. Рейснер
1898-1958

Мой прадед Игорь Михайлович Рейснер (1898–1958) принадлежал к первому поколению советских востоковедов, начинавших свою деятельность в 20–30-е гг. XX в. В этот период в отечественном востоковедении акцент исследовательского интереса сместился с историко-культурной проблематики и древней истории, занимавших центральное место в дореволюционном российском востоковедении, в сторону изучения экономической, социальной и политической истории Востока в периоды позднего средневековья, нового и новейшего времени.

Безусловно, ключевым фактором в подобной смене приоритетов стала политическая конъюнктура, поскольку одной из целей Коминтерна в тот период было распространение революционных процессов на страны Востока, в связи с чем была необходима четкая привязка стран Азии к мировому историческому процессу, закономерным итогом которого марксистская наука считала революцию и переход к социалистической формации. Несмотря на политизированность этих исследований, они открыли новое направление в отечественной науке о Востоке и заложили основу для дальнейшего углубленного изучения истории отдельных стран и регионов. И.М. Рейснер сделал большой вклад в изучение истории Индии и Афганистана, а также стал одним из основателей отечественной научной школы изучения новой истории Востока. В данной работе не ставится целью подробное изложение биографии И.М. Рейснера, поскольку уже существует значительный объем работ, в которых она описана достаточно подробно (1).

В рамках данной статьи будет сделана попытка раскрыть взгляды И.М. Рейснера на периодизацию новой истории Востока через призму одного руко-

писного документа из его архива, а также реконструировать примерное время и контекст, в котором появился данный документ.

Озаглавленный «Периодизация новой истории стран зарубежного Востока в рамках всеобщей истории и как часть всеобщей истории», он представляет собой стенограмму дискуссии по данной проблеме. Вероятнее всего, она состоялась на кафедре истории стран Среднего Востока исторического факультета МГУ, которой И.М. Рейснер заведовал с момента ее образования в 1944 г., в рамках подготовки к публикации учебника «Новая история стран зарубежного Востока» (вышел в издательстве МГУ в 1952 г.). Состав участников дискуссии, а также свобода суждений учеников И.М. Рейснера и то, что он без боязни выступает в качестве «арбитра» дискуссии, позволяет предположить, что событие состоялось до 1951 г., когда на историческом факультете МГУ началась кампания против «антимарксистской линии» в индологии, инспирированная Г.А. Шмидтом и направленная на дискредитацию научной школы, создававшейся под руководством И.М. Рейснера (2). Хотя сам И.М. Рейснер в составе «фигурантов дела» не значился, но его авторитет на факультете был значительно подорван. Изучение биографических данных участников дискуссии позволяет датировать ее 1950 или 1951 г., поскольку ранее часть упоминаемых персоналий были еще студентами, что делает их участие в научной дискуссии такого уровня маловероятным.

Структурно рассматриваемый документ состоит из трех частей. Первая из них – тезисы выступления И.М. Рейснера, написанные в процессе подготовки к дискуссии. Вторая часть – пометки И.М. Рейснера, сделанные им по ходу выступлений его коллег и учеников. Третья – записи, сделанные по ходу обсуждения выступлений и подведения итогов дискуссии. К сожалению, отсутствуют какие-либо намеки на финальное выступление И.М. Рейснера, которое должно было подвести итог дискуссии. Скорее всего, оно состоялось, но сам автор, естественно, не имел времени его стенографировать. Тем не менее итог дискуссии в целом понятен и не вызывает особых сомнений.

Необходимо подчеркнуть, что ценность публикуемого документа заключается не в оригинальности его научных выводов, поскольку результаты этой и других подобных дискуссий в конечном итоге отразились в упомянутом выше учебнике по новой истории Востока и других работах, подготовленных научно-педагогическим коллективом под руководством И.М. Рейснера. Данный текст позволяет в некоторой степени представить особенности научного мышления И.М. Рейснера, логику построения научных дискуссий и атмосферу на кафедре истории стран Среднего Востока исторического факультета МГУ под его руководством.

В ходе подготовки текста были опущены некоторые не связанные с остальным текстом фразы (пропуски помечены <...>). Также, по мере необходимости при подготовке текста добавлялись недостающие по смыслу части слов, слова и выражения (даются в квадратных скобках [...]). Орфография и пунктуация приведены в соответствии с нормами современного русского

языка. Авторские знаки (подчеркивания, вопросительные и восклицательные знаки, скобки) сохранены, если в примечаниях не указано иное.

И.М. Рейснер

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ НОВОЙ ИСТОРИИ
СТРАН ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА
В РАМКАХ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И КАК ЧАСТЬ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ¹**

Периодизация новой истории стран зарубежного
востока. в рамках всеобщей истории
и как часть всеобщей истории.

1. Функции марксистской периодизации.

Смена формаций и различные существенные
этапы в их внутреннем развитии. (эти периоды
в развитии формации, эти же качественные
формации, эти же этапы развития социального
общества, эти же общие законы капитализма.
Неравномерность развития. Свойственная импе-
риалистическому обществу или всеобщей формации вовсе не
исключает возможности научной периодизации.
В ее основу берутся события, имеющие решаю-
щий характер для всего "процесса становления и
развития данной формации! (английская
буржуазная революция 1642г., знаменательная
своей ^{нашей} ^{победой и} ~~успехом~~ ^{капитализма}, как новой
общественной формации, хотя буржуазные
революции в Европе продолжались еще в те
годы более 20 лет, вплоть до Французской
конвент безумиями 1848г.) Будет во всей
Европе вплоть до 1789г. считалось только
две страны, которые предали буржуаз-
ную революцию (Нидерланды и Англия),
Франция

¹ Подготовка текста и примечания А.А. Куделина.

Принципы марксистской периодизации (3). Смена формаций и различие существенных этапов в их внутреннем развитии (три периода в развитии феодализма, этапы развития капиталистической формации, этапы развития социалистического общества, этапы общего кризиса капитализма). Неравномерность развития (4), свойственная человеческому обществу *при всех формациях* вовсе не исключает возможности научной периодизации. В ее основу берется событие, имеющее решающий характер для всего процесса становления и развития данной формации! (английская буржуазная революция 1642 г., знаменовавшая собой начало победы и утверждения капитализма, при новой общественной формации, хотя буржуазные революции в Европе продолжались еще в течение более 200 лет (4), кончая безумным 1848 г.) Пусть во всей Европе вплоть до 1789 г. насчитывалось только две страны (5), продолжавшие буржуазную революцию (Нидерланды и Англия) (6), тем не менее огромное (7) значение английской революции в том, что она открыла целую новую историческую эпоху, эпоху победы и утверждения капитализма.

Два аспекта периодизации.

Всемирно-историческая (8). Здесь прежде всего выделяются общие закономерности всего процесса становления, развития и разложения капитализма в мировом, в общечеловеческом масштабе. Такая периодизация необходима для таких изданий как Всемирная история, учебники по отдельным разделам всеобщей истории.

Периодизация истории отдельных стран и народов, где несравненно большее внимание уделяется неравномерности развития капитализма во времени и пространстве, местным особенностям и своеобразиям этого процесса. Так, например, в смысле всемирно-историческом Россия, как и все человечество (9), вступила после английской буржуазной революции в эпоху, когда решающим и определяющим моментом стала (10) гибель феодального общественного строя и победа капитализма. В то же время в смысле своего внутреннего развития в России предпосылки буржуазной революции в середине XVII в. (11) еще отсутствовали, а (12) само возникновение капиталистического уклада относится к концу XVIII в. Но это не значит, что рассматривая внутреннее развитие России, оставшейся до середины XIX в. в значительной мере феодальной страной, можно абстрагироваться от общего характера эпохи и игнорировать, что эту эпоху победы и утверждения капитализма открыла английская буржуазная революция.

Откуда начинается новый период всеобщей истории? Здесь мы не решаем. <...>

Для нас [востоковедов] французская революция гораздо удобнее. Уменьшает разрыв, а английская увеличивает!! <...>

Котовский: надо начинать с английской. Исторически в средние века, в новое время Индия в переходном периоде, но не в позднем средневековье. Нет абсолютной монархии. [Необходима] периодизация на основе внутренних закономерностей.

Златкин. Подставил вместо мировой периодизации 50 лет – развитие капитализма. Французскую революцию я (И.М. Рейснер – А.К.) беру из-за порабощения, оно больше распространилось! Это не прогрессивная дата. <...> Европоцентризм. «[Великие географические открытия] не определили судьбу [стран Востока]». Не надо для Востока исходить из передовых стран.

(13) **Топеха.** <...> (14) Златкин лишает проблему содержания.

Комаров. Новой истории для отдельных стран нет!

НВ. Вовлечение в мировой рынок – «не открывает новой истории, не открывает капиталистической формации, но создает такие условия, при которых феодальные отношения и все дальнейшее развитие протекает уже не по внутренним закономерностям, не само по себе...»

Переход к позднему феодализму он считает в условиях развитого.

Ефимов: вовлечение в мир[овой] рынок – часть внутренней истории – борьба классов.

Гольдберг. Есть история новая каждой страны в новой истории!

(15) капитализм принес растущую неравномерность развития отсталых стран. НВ.

Ли-юнь-ань (очень хорошее выступление).

Мерилом внутренней периодизации (для Востока) по новой истории [выступает] «развитие капитализма или колониальное подчинение».

Левковский (очень хорошее выступление).

«Противоречие, которое существует между периодизацией новой истории во всемирном масштабе и периодизацией новой истории для отдельной страны, является именно противоречием между развитием капиталистической системы хозяйства во всемирном масштабе и развитием капиталистического способа производства в той или иной стране».

Астафьев [принимает] за XIX в. начало новой истории для стран Востока, но он отвергает колониальное подчинение и вовлечение в мировой рынок – предлагает другие рубежи. А какие?

Губер – [начинает новое время на Востоке] с английской [революции] – лучше дает возможности показать внутреннее развитие [стран Востока]. А великие открытия – это грабеж – рано!

Обрушивается на массы промышленных товаров – но в них и сипаи, и бабиды, и тайпины?! (16)

«Страны Востока, которые к этому моменту, т.е. к моменту французской революции, подошли уже не только с процессом своего внутреннего развития, но и с воздействием уже внешних факторов, оказываются в известной мере более отсталыми, нежели они были за 100 лет до французской революции». Ино[странный] капитал становится магической палочкой развития капитализма!!!

Не понял [фразу:] «ника[ко]го капитализма не завивалось», но «подобные моменты разложения феодализма и зачатки кап[италистических] отношений можно проследить» (17).

Географические открытия «говорят только о развитии Европы, стремящейся найти эти давно открытые другими народами страны». Только!! Разве?

Гордон ничего не сказала!

Эйдус. «Для этих стран, как Китай, Индия, Иран и других подобных стран новая история начинается с момента их вовлечения в орбиту мирового капиталистического рынка».

Почему не «великие открытия»?

[Процесс] не охватывает существенно Азию (Филиппины и Porto-Sea Empire).

Не задевает социального строя.

Методы первоначального накопления на грубейшем насилии. Это еще внешний фактор.

Не сложилась колониальная система, не сложился и мировой рынок.

Получится преувеличение роли разрушительной колониальной политики. – Можно сказать во введении!

Не будет показ[а] социального строя – но он будет в средних веках.

Может внутренний рубеж – но это позднее средневековье, а не новое время.

Позднее средневековье было в Китае.

И на западе, и на востоке	Кризис феодализма и французская революция
	Отсутствие кризиса феодализма и английская революция

Новый всемирно-исторический рубеж – английская или французская [буржуазная революция].

Английская – победа и утверждение буржуазии и обуржуазившегося дворянства, ранние формы фабричного капитализма (пром[ышленный] переворот через 150 лет), в большей части Европы продолжается развитие феодализма (второе закрепощение), религиозная, а не светская рационалистическая форма [идеологии].

Французская – классическая, на более высокой ступени; непосредственный переход к началу промышленного переворота; буржуазия и революционное крестьянство; яркий кризис феодализма в большинстве стран Европы. В России капиталистический уклад. Адекватная возникающему капитализму идеология.

В отношении Востока [в] период 1640–1789 [гг.] первоначальное накопление – внешний, в значительной степени внеэкономический фактор. А начался этот период с великих открытий. Этот период искусственно разорван пополам. Нет никакой принципиальной разницы в этом отношении до и после 1640 г.

Возражение А.А. Губера.

Нельзя показать отставание в силу воздействия внешнего фактора. Можно, дав итог развития. Можно в средних веках Востока. Но ведь нет еще

той (Маркс) социальной революции, как в начале XIX в., когда это колониальное проникновение вызвало коренные изменения (18). Магическая палочка, не перехвалить колонизаторов, не возвеличить их. Это аргумент от политики, как бы не обиделись народы Востока. Но советские историки показывают и последствия колониальной политики, и героическую борьбу против ига чужеземных колонизаторов.

Ряд товарищей поддержали (Астафьев, Гольдберг, Антонова) и я остаюсь при своем [мнении]!

Второй вопрос – можно ли принимать за рубеж буржуазные революции Европы и Америки и не принимать за рубеж превращение независимых феодальных стран Востока в страны зависимые и колониальные, их вовлечение (насильственное) в мировой рынок и [в] собственном смысле в мировую историю. В чем собственно сказалось наступление нового периода для этих стран? В новых условиях происходило их дальнейшее развитие, их классовая борьба, разложение феодализма. Придирки насчет не завоеванных стран – сила экономического империализма. Афганистан и Монголия. Главная историческая задача – независимость. На какой почве тайпины, бабиды и сипаи. Маркс: «ответ Востока на колониальное порабощение».

Предложение Златкина, Котовского в (19) период «новой истории» – лишить периодизацию всякого содержания, сделать ее формальной, выхолостить ее организующее [начало] (ответили Топеха, Ефимов, Антонова, Комаров, Левковский, Эйдус).

Если мы не придаем значения установлению колониального господства, то почему мы придаем такое значение освобождению от него!

Лишаем страны Азии «новой истории». Так и получится, если стать на точку зрения Златкина.

<...>

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. напр.: *Котовский Г.Г.* Игорь Михайлович Рейснер – человек, исследователь, педагог // Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М. Рейснера. – М., 2000. – С. 5–30; *Рейснер Л.И.* Портрет отца // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х гг. – М., 1988. – С. 235–248; *Павлов В.И.* Выдающийся советский востоковед И.М. Рейснер (1899–1958) // Там же. – С. 218–235; *Антонова К.А.* Мы – востоковеды. Мой учитель – Игорь Рейснер // Восток. – 1991, – № 3. – С. 105–115.
- (2) Подробнее об этих событиях см.: *Котовский Г.Г.* Игорь Михайлович Рейснер – человек, исследователь, педагог... – С. 23–26.
- (3) В тексте опущен номер заголовка 1, присутствующий в рукописи, так как далее нумерация заголовков в авторской рукописи отсутствует (здесь и далее примечания мои – А.К.).
- (4) Скобка в авторской рукописи заменена на запятую.
- (5) Зачеркнуто: вплоть до Парижской [революции].
- (6) Зачеркнуто: прошедшие.

- (7) Зачеркнуто: противоречия.
- (8) Зачеркнуто: историческое.
- (9) Зачеркнуто: по формации.
- (10) Добавлена запятая.
- (11) Зачеркнуто: смена.
- (12) В авторском тексте в некоторых случаях нумерация веков дается арабскими цифрами, заменена на нумерацию римскими цифрами, принятую в научных текстах.
- (13) Зачеркнуто: сколько-нибудь широкое развитие.
- (14) Далее одно слово написано неразборчиво.
- (15) Одно слово написано неразборчиво.
- (16) Логика фразы осталась неясной.
- (17) Подписано на полях: Губер.
- (18) Подписано на полях: Опасность преувеличения «внешнего фактора».
- (19) По смыслу должно быть: про.

ПЕРСОНАЛИИ, УПОМЯНУТЫЕ В ТЕКСТЕ

Антонова Кока Александровна (1910–2007) – советский и российский индолог, в 1930 г. окончила историко-этнологический факультет МГУ, кандидат (1940), доктор исторических наук (1950), тема диссертации – «Религиозная политика Акбара: к истории индо-мусульманских разногласий» (И.М. Рейснер был руководителем-консультантом). В период написания рукописи – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Астафьев Геннадий Васильевич (1908–1991) – советский китаист, в 1930 г. окончил восточный факультет Дальневосточного государственного университета, кандидат экономических наук (1944), доктор исторических наук (1960) по монографии «Интервенция США в Китае и ее поражение» (М., 1958). В период написания рукописи – преподаватель Московского института востоковедения, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Гольдберг Николай Максимович (1891–1961) – советский индолог, кандидат исторических наук (1945). В период написания рукописи – преподаватель исторического факультета МГУ, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Гордон (Гордон-Полонская, Полонская) Людмила Рафаиловна (1922–1996) – советский и российский афганист и индолог, ученица И.М. Рейснера. В 1947 г. окончила исторический факультет МГУ, кандидат (1950), доктор исторических наук (1965) – по монографии «Мусульманские течения в общественной жизни Индии и Пакистана: критика «мусульманского национализма» (М., 1963). В период написания рукописи – преподаватель исторического факультета МГУ.

Губер Александр Андреевич (1902–1971) – советский востоковед, специалист по истории стран Юго-восточной Азии. В 1925 г. окончил Московский институт востоковедения. В 1943 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Филиппинская республика (1896–1898)». В период написания рукописи – преподаватель исторического факультета МГУ.

Ефимов Геронтий Валентинович (1906–1980) – советский китаист. В 1932 г. окончил Ленинградский институт истории, философии и лингвистики. Кандидат (1939), доктор исторических наук (1958), тема диссертации – «Международные отношения Китая и внешняя политика Цинского правительства в конце XIX в. (1884–

1899)». В период написания рукописи – преподаватель Ленинградского государственного университета.

Златкин Илья Яковлевич (1898–1990) – советский востоковед, специалист по истории Монголии и стран Средней Азии. В 1947 г. окончил исторический факультет МГУ. Кандидат (1948), доктор исторических наук (1961), тема диссертации – «История Джунгарского ханства (1635–1758)». В период написания рукописи – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Комаров Эрик Наумович (род. в 1927 г.) – советский и российский индолог, ученик И.М. Рейснера. В 1950 г. окончил Московский институт востоковедения, кандидат исторических наук (1953). В период написания рукописи – преподаватель исторического факультета МГУ.

Котовский Григорий Григорьевич (1923–2001) – советский и российский индолог, ученик И.М. Рейснера. В 1949 г. окончил исторический факультет МГУ, кандидат исторических наук (1952). В период написания рукописи – аспирант МГУ.

Левковский Алексей Иванович (1924–1985) – советский индолог, ученик И.М. Рейснера. В 1948 г. окончил экономический факультет МГУ, кандидат (1952), доктор экономических наук (1964) по монографии «Особенности развития капитализма в Индии» (М., 1963). В период написания рукописи – аспирант МГУ.

Ли-юнь-ань – сведений об этой персоналии найти не удалось.

Топеха Петр Павлович (1905–1985) – советский японист. В 1931 г. окончил Ленинградский институт живых восточных языков, кандидат (1951), доктор исторических наук (1971), тема диссертации – «Рабочее движение в Японии». В период написания рукописи – аспирант или научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Эйдус Хаим Тевелевич (1896–1972) – советский японист. В 1924 г. окончил восточный отдел Военной академии РККА. Доктор исторических наук (1940), тема диссертации – «Япония в период общего кризиса капитализма». В период написания рукописи – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

I.M. REISNER: THE PERIODIZATION OF THE NEW HISTORY OF THE EAST

A.A. Kudelin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article is a publication of the material associated with the scientific work of the outstanding Russian orientalist I.M. Reisner. Published manuscript is written with the hand of I.M. Reisner. It's an author's presentation on the New history of the East, as well as his notes of the discussion on this problem which took place at the chair of history of the Middle East of the historical faculty of Moscow state University.

Key words: periodization, the new history of the East, Age of Discovery, the English bourgeois revolution, the great French revolution.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

К ВОПРОСУ О «ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБСЕ

А.И. Астапчук

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается роль «человеческого измерения» в деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Автор анализирует принципы и особенности мероприятий, предпринимаемых Организацией по обеспечению соблюдения прав и свобод человека, и характеризует роль, которую занимает ОБСЕ в общеевропейской структуре безопасности.

Ключевые слова: ОБСЕ, «человеческое измерение», безопасность, права и свободы человека.

Обязательства, составляющие основу работы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, совместно разработаны и единодушно одобрены всеми государствами-участниками. Вот почему они представляют собой мощный механизм воздействия. Государства приняли на себя обязательство их выполнять. Заключительный Хельсинский акт 1975 г. был первым международным документом, который признал защиту прав и основных свобод человека предметом международного внимания. Это является одним из десяти фундаментальных принципов построения межгосударственных отношений в Организации (1).

В 2010 г. ОБСЕ отметила тридцатипятилетие подписания Заключительного акта Хельсинки. С 1975 г. ОБСЕ разработала большой комплект норм и стандартов прав человека, которые в основном отражают традиционные нормы по правам человека и представления о них в том виде, как они закреплены в других соглашениях и декларациях по правам человека. На этой основе, однако, ОБСЕ разработала ряд стандартов, которые являются весьма инновационными как по форме, так и по содержанию. Права человека начи-

наются с элемента получения прав или с «права знать свое право». В момент принятия Хельсинкского Заключительного акта государства-участники приняли на себя обязательство сделать этот документ широко доступным (2).

Это дало толчок к созданию многочисленных крупных правозащитных групп, таких, как «Хельсинкские группы» или «Хартия 77», которые в своей деятельности опирались на Хельсинкский процесс. Следовательно, спектр положений ОБСЕ, касающихся прав человека, оказался одной из наиболее эффективных структур такого рода и по-прежнему продолжает играть важную роль. Это уникальная база, включающая набор документов, которые наряду с другими новациями сделали права человека предметом законной озабоченности государств. Основы этого можно найти в Хельсинкском Заключительном акте, однако последующие документы, такие, как Копенгагенский документ 1990 г. и Парижская хартия для новой Европы 1990 г., позволили сформулировать ряд других важных положений, необходимых для сегодняшнего понимания человеческого измерения ОБСЕ.

ОБСЕ была создана как «организация по безопасности». Однако она занимается не только вопросами военной безопасности, разоружения или границ. Основанная на широкой концепции безопасности, Организация занимается также правами человека. ОБСЕ полагает, что безопасность – это нечто большее, чем просто отсутствие войны. Фактически государства – участники ОБСЕ стремились создать всеобъемлющие рамки для мира и стабильности в Европе. В Хельсинкском Заключительном акте в качестве одного из десяти руководящих принципов признается «уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, вероисповедания и убеждений». Это стало краеугольным камнем в истории защиты прав человека (3).

Впервые права человека были включены в качестве четко сформулированного составного элемента в рамки региональной безопасности на той же основе, что и военно-политические и экономические вопросы. Такое признание было затем подкреплено многочисленными последующими документами. Поэтому сегодня данный факт можно считать свершившимся и не вызывающим сомнений. Эти принципы не выстроены в соответствии с какой-либо иерархией, и поэтому никакое правительство не может утверждать, что вначале им необходимо обеспечить политическую или экономическую безопасность, а уже после этого заниматься вопросами прав человека и демократии. Недавняя история подтверждает обоснованность концепции ОБСЕ, которая гласит, что свободное общество, разрешающее каждому принимать полное участие в общественной жизни, является гарантией от конфликтов и нестабильности (4).

Так, одним из примеров может быть факт, что отторжение от общества отдельных лиц или некоторых групп, иногда по этническим причинам, приводило к напряженности и даже вооруженным конфликтам. В качестве еще одного примера угрозы безопасности можно назвать кризисы, возникающие

при появлении беженцев, чаще всего в результате массового нарушения прав человека. В терминологии ОБСЕ термин «человеческое измерение» используется для обозначения набора норм и видов деятельности, связанных с правами человека и демократией, которые рассматриваются в ОБСЕ в качестве одного из трех измерений безопасности, наряду с военно-политическим и экономико-экологическим измерениями. Данный термин свидетельствует также о том, что нормы ОБСЕ, относящиеся к человеческому измерению, охватывают более широкую область, чем традиционное понятие прав человека.

С самого момента своего создания ОБСЕ подходила к своей деятельности как к процессу (5). В Хельсинкском Заключительном акте предусматривается проведение регулярных последующих конференций и встреч. Это весьма важно для понимания базы прав человека в ОБСЕ. Во-первых, это означает, что существует форум для обсуждения выполнения стандартов, согласованных на предыдущих встречах. Во-вторых, это позволило принять целую серию последовательных документов ОБСЕ, которые уточняют и развивают обязательства в области человеческого измерения, принятые в предыдущих документах.

В результате этого ОБСЕ создало весьма гибкий и динамичный процесс нормотворчества в области прав человека – процесс, который стал постоянным. Среди нововведений, зафиксированных в последних документах, например, признание торговли людьми, которая раньше, как правило, рассматривалась в контексте организованной преступности, проблемой нарушения прав человека и признание преступлений на почве ненависти в качестве потенциальной угрозы для внутренней и международной безопасности. Обязательства ОБСЕ, как правило, принимают форму документов, принимаемых консенсусом на встречах на высшем уровне или на уровне министров государств – участников ОБСЕ (6).

Каждая такая встреча проходит в конкретной политической атмосфере и контексте. По этой причине неудивительно, что встречи на высшем уровне и министерские совещания ОБСЕ имели различное влияние на создание новых обязательств. И если одни встречи, особенно в начале 1990-х гг., позволили разработать широкий набор важных новых норм, то другие ограничились внесением незначительных изменений и дополнений. Такой «процессный» подход позволил принять большое число документов ОБСЕ.

В результате практикующим специалистам не всегда легко определить, какие именно стандарты применяются в данной конкретной ситуации, особенно учитывая, что в каждом документе в той или иной степени содержатся как повторы, так и новшества. В качестве главного ориентира следует иметь в виду, что все эти документы в совокупности составляют нормативную базу ОБСЕ. То есть с принятием новых документов уже существующие документы не теряют своей силы. Документы опираются один на другой и образуют то, что можно назвать «достоянием ОБСЕ». Они были приняты на

основе консенсуса и по этой причине являются политически обязательными для всех государств – участников ОБСЕ. Это относится также и к вновь принятым в ОБСЕ государствам, которые при вступлении обязаны признать это «достояние» – обязательства в области человеческого измерения и плюралистическая демократия, основанная на верховенстве закона (7).

В ряде случаев обязательства в области человеческого измерения ОБСЕ идут гораздо дальше, чем «традиционные» юридически обязательные инструменты в области прав человека. В традиционных договорах в области прав человека формулируются личные (или коллективные) права, а государство-участник обязуется соблюдать и/или гарантировать эти права. Однако в большинстве случаев порядок выполнения этих обязательств остается на усмотрение государств. Человеческое измерение ОБСЕ идет гораздо дальше по пути увязки прав человека с институциональной и политической системой государства. По сути государства – участники ОБСЕ, взяв на себя обязательства в области человеческого измерения, согласились с тем, что плюралистическая демократия, основанная на верховенстве закона, представляет собой единственную систему управления, способную эффективно гарантировать права человека. Это объясняет, почему человеческое измерение ОБСЕ было названо общеевропейским общественным порядком (8). Другими словами, ОБСЕ – это не просто организация, объединяющая 56 государств, это «общность ценностей». Эту связь отражает и активная приверженность верховенству закона, и сама его формулировка: концепция, основанная на достоинстве человеческой личности и системе прав, реализуемых через законы и судебно-правовые структуры.

Процесс ОБСЕ в основном представляет собой политический процесс, который не создает юридически обязательных норм и принципов. В отличие от других документов, связанных с правами человека, обязательства в области человеческого измерения ОБСЕ являются скорее политически, чем юридически обязательными. Это очень важное отличие, поскольку оно ограничивает возможности использования правовых механизмов для соблюдения стандартов ОБСЕ. Другими словами, выполнение обязательств ОБСЕ нельзя обеспечить через суд. Однако это не следует ошибочно понимать как свидетельство отсутствия у них обязательной силы (9).

Различие здесь между «юридически» и «политически», а не между «обязательные» и «необязательные». Это означает, что обязательства ОБСЕ представляют собой нечто большее, чем простая декларация воли или добрых намерений: речь идет о политическом обещании соблюдать эти стандарты. Если для обсуждения международно-правовых документов, как правило, требуется значительное время, прежде чем удастся согласовать окончательный текст, а заключительные документы являются предметом ратификации и оговорок, то к документам ОБСЕ это не относится. Их политическая природа позволяет создать уникальную ситуацию: после того, как между государствами был достигнут консенсус, решения вступают в силу не-

медленно и в принципе являются обязательными для всех государств – участников ОБСЕ (так называемый принцип универсальности). Это позволяет ОБСЕ оперативно реагировать на новые потребности (10).

Так, например, когда в начале 90-х гг. участились случаи нарушений прав человека в отношении меньшинств, ОБСЕ первой отреагировала и разработала комплексный набор стандартов в области защиты меньшинств. Позднее эти политические стандарты послужили основой для юридически обязательной Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств.

Основополагающим аспектом человеческого измерения в ОБСЕ является то, что права человека и плюралистическая демократия не рассматриваются как внутреннее дело государства (11).

Государства-участники подчеркнули, что вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка. Фактически государства-участники «категорически и окончательно» заявили, что «обязательства, принятые ими в области человеческого измерения ОБСЕ, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства» (Московский документ, 1991). Поэтому государства – участники ОБСЕ уже не могут ссылаться на принцип невмешательства во избежание обсуждения проблем прав человека в своих странах. Это объясняет, почему ОБСЕ является не только «общностью ценностей», но и «общностью ответственности». Следует подчеркнуть, что эта «ответственность» предполагает не только право критиковать другие государства за нарушения обязательств в области человеческого измерения, но и накладывает обязательства помогать друг другу в решении конкретных проблем.

Следует выделить основные принципы ОБСЕ, относящиеся к человеческому измерению.

1. Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии или убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод (Хельсинки, 1975).

2. Права человека и основные свободы с рождения принадлежат всем людям, они неотъемлемы и гарантируются законом. Их защита и содействие им – первейшая обязанность правительства (Париж, 1990).

3. Демократическое правление основывается на воле народа, выражаемой регулярно в ходе свободных и справедливых выборов. В основе демократии лежит уважение человеческой личности и верховенства закона (Париж, 1990).

4. [Государства-участники] обязуются строить, консолидировать и укреплять демократию как единственную систему правления в наших странах (Париж, 1990).

5. Государства-участники категорически и окончательно заявляют, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения ОБСЕ, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства (Москва, 1991).

6. Уважение прав человека и основных свобод, демократии и верховенства закона является ключевым элементом принятой в ОБСЕ всеобъемлющей концепции безопасности (Стамбул, 1999).

7. Мы далее вновь подтверждаем, что все без исключения принципы и обязательства, принятые в рамках ОБСЕ, в равной мере распространяются на каждое государство-участник, и подчеркиваем свою подотчетность нашим гражданам и ответственность друг перед другом в том, что касается их выполнения в полном объеме (Астана, 2010).

Обязательства ОБСЕ отражают как традиционные права человека и свободы, так и некоторые области, выходящие за сферу традиционных прав человека. Как и в других международных договорах, касающихся прав человека, важный вопрос заключается в том, до какой степени они могут ограничиваться. Это важно для любого практика, пытающегося определить, было ли нарушено какое-либо определенное право. Некоторые провозглашенные ОБСЕ свободы содержат конкретные положения об ограничении.

Однако в Копенгагенском документе ОБСЕ сформулировано важное общее правило в отношении упомянутых в этом документе прав. Они не должны быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и соответствуют их обязательствам по международному праву, в частности по Международному пакту о гражданских и политических правах. Ограничения не должны применяться произвольно и всегда должны приниматься как исключение из общего правила, гласящего, что личные свободы должны соблюдаться. Любое ограничение должно быть строго соразмерно целям закона. Такой тест на пропорциональность требует узкого толкования, тем более что любое вмешательство должно сопоставляться с огромной ценностью таких основных свобод для открытого и демократического общества.

Описанная выше правовая база прав человека существует в интересах всех людей, проживающих в регионе ОБСЕ, и неслучайно права человека и основные свободы в ней названы в качестве «прав всех людей от рождения» (12).

В первую очередь – ответственность за гарантирование этих прав возложена на государства-участники ОБСЕ. Обязательства в области человеческого измерения ОБСЕ адресованы, в соответствии с другими международными договорами в области прав человека, государствам-участникам. Обязательства еще более усиливают этот общий принцип, подчеркивая, что «защита и поощрение прав человека и основных свобод являются основопо-

лагающей целью правительства» (Парижская хартия 1990 г.). С самого начала было ясно, что сама по себе разработка стандартов не является достаточной для эффективного осуществления обязательств в области человеческого измерения (13).

Международные процедуры должны играть важную вспомогательную функцию в этом отношении. Поэтому ОБСЕ создала набор процедур, конференций и институтов, которые помогают контролировать и оказывать содействие в осуществлении обязательств ОБСЕ по человеческому измерению.

В отличие от других договоров в области прав человека (см., напр., Европейскую конвенцию о правах человека, в соответствии с которой создан Европейский суд по правам человека, или Международный пакт о гражданских и политических правах ООН, в соответствии с которым создан Комитет ООН по правам человека), ОБСЕ не учредило суда или иного органа для рассмотрения жалоб отдельных лиц с тем, чтобы обеспечить выполнение обязательств ОБСЕ. Это отражает политический характер процесса ОБСЕ и намерение не дублировать существующие механизмы.

Напротив, ОБСЕ усиливает эти важные механизмы и призывает все государства-участники использовать существующие возможности и соблюдать стандарты, установленные другими международными организациями. Важно также отметить, что отсутствие механизма для рассмотрения индивидуальных жалоб не исключает возможности доведения этих случаев до сведения политических органов ОБСЕ.

Как уже указывалось, Хельсинкский Заключительный акт предусматривает проведение регулярных последующих совещаний, исходя из того, что для реализации договоренностей требуется постоянный процесс. Такой подход, основанный на непрерывном процессе, со временем позволил создать отработанную систему политических встреч на высшем уровне и других совещаний, на которых обсуждаются вопросы, связанные с выполнением обязательств ОБСЕ. Встречи на высшем уровне ОБСЕ и заседания Совета министров обычно принимают новые заявления и документы. Конференции по рассмотрению предшествуют встречам на высшем уровне ОБСЕ и служат для обсуждения соблюдения стандартов ОБСЕ и готовят заключительные документы, которые затем принимаются на встречах на высшем уровне. Совещания по выполнению обязательств по человеческому измерению ОБСЕ проходят в годы, когда не проводятся встречи на высшем уровне ОБСЕ, и служат в качестве форума для обсуждения вопросов, связанных с выполнением обязательств в области человеческого измерения ОБСЕ. Кроме того, ежегодно организуются семинары по вопросам человеческого измерения и три дополнительные встречи по человеческому измерению.

Такая иногда комплексная структура встреч на высшем уровне – саммитов, совещаний, конференций и семинаров – порождает два важных результата.

Во-первых, она позволяет государствам-участникам включиться в гармоничный процесс нормотворчества. Государства-участники могут опера-

тивно реагировать на новые потребности и, опираясь на ранее принятые обязательства ОБСЕ, уточнять порядок их применения.

Во-вторых, такая структура предоставляет в распоряжение государств-участников ОБСЕ форум для обсуждения вопросов, связанных с фактическим выполнением обязательств в области человеческого измерения. Это отражает принцип, что обязательства ОБСЕ являются предметом прямой и законной озабоченности всех государств-участников ОБСЕ и не входят в число внутренних вопросов какого-либо конкретного государства. Важной особенностью встреч ОБСЕ по вопросам человеческого измерения является то, что они открыты для активного участия неправительственных организаций (НПО). НПО могут таким образом принимать участие в решении проблем, связанных с фактическим выполнением обязательств в области человеческого измерения, и предлагать пути решения этих проблем.

Наряду с этими регулярными встречами ОБСЕ также создала так называемый механизм человеческого измерения, а именно Венский механизм (Создан в соответствии с Венским Заключительным документом 1989 г.) и Московский механизм (Решение о создании Московского механизма было принято на последнем совещании Конференции по человеческому измерению ОБСЕ в Москве в 1991 г.), причем последний частично представляет собой дальнейшее развитие Венского механизма. Вместе они образуют процесс для надзора за выполнением обязательств в области человеческого измерения, к помощи которого отдельные государства – участники ОБСЕ могут прибегать для рассмотрения конкретных ситуаций (14).

Венский механизм позволяет государствам-участникам использовать набор процедур для того, чтобы поднять вопросы, связанные с выполнением обязательств в области человеческого измерения другим государством – участником ОБСЕ.

Московский механизм опирается на Венский механизм и дополнительно предоставляет возможность формировать специальные миссии независимых экспертов для оказания помощи в решении конкретных проблем, связанных с вопросами человеческого измерения. Это предполагает право расследования сообщений о нарушениях обязательств в области человеческого измерения, причем в исключительных случаях это может делаться даже без согласия обвиняемого государства. На практике механизм человеческого измерения применяется редко, отчасти из-за того, что ОБСЕ стала постоянно действующей организацией, а также по политическим соображениям, которые связаны с использованием таких специальных механизмов.

Стоит отметить, что ОБСЕ отошла от «конференционного» подхода, применявшегося в прошлые годы, и создала целый ряд постоянных институтов для оказания государствам-участникам помощи в выполнении своих обязательств в области человеческого измерения ОБСЕ. Эти институты играют все возрастающую роль.

1. Бюро по демократическим институтам и правам человека.

2. Верховный комиссар по вопросам национальных меньшинств.

3. Представитель по вопросам свободы средств массовой информации

Таким образом, стоит отметить, что государства-участники ОБСЕ создали впечатляющий «корпус» норм и принципов в области человеческого измерения (15).

Документы ОБСЕ содержат множество важных обязательств в области человеческого измерения, которые позволили Организации играть ведущую и новаторскую роль в этой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Hopmann P.T.* The OSCE Role in Eurasian Security», «Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance. – Manchester, 2003. – P. 144–165.
- (2) *Russett B.M.* Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. – Princeton, N. J., 1993.
- (3) *Bowker M., Williams Ph.* Helsinki and West European Security // *International Affairs* 61. – 1985. – № 4. – P. 607–618.
- (4) *Leatherman J.* From Cold War to Democratic Peace: Third Parties, Peaceful Change, and the OSCE. – Syracuse, N. Y., 2003.
- (5) *Hopmann P.T.* The OSCE Role in Eurasian Security», «Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance. – Manchester, 2003. – P.144–165.
- (6) *Ibid.* – P. 157.
- (7) *Krupnick Ch.* Europe's Intergovernmental NGO: The OSCE in Europe's Emerging Security Structure // *European Security* 7. – 1998. – № 2. – P. 30–53.
- (8) *Cohen J.* Conflict Prevention in the OSCE: An Assessment of Capacities. – Hague, 1999. – P. 12.
- (9) *Fassel D.B.* The Helsinki Accord: A Case Study // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – P. 150.
- (10) *Hopmann P.T.* Managing Conflict in Post-Cold War Eurasia: The Role of the OSCE in Europe's Security Architecture // *International Politics* 40. – 2003. – № 1. – P. 79–85.
- (11) *Oberschmidt R.* Office for Democratic Institutions and Human Rights: An Interim Appraisal», *Helsinki Monitor* 12. – 2001. – № 4. – P. 278.
- (12) *Hopmann P.T.* The OSCE Role in Eurasian Security», «Limiting Institutions? The Challenge of Eurasian Security Governance. – Manchester, 2003. – P. 144–165.
- (13) *Niemtzow E.* The OSCE's Security Model: Conceptual Confusion and Competing Visions // *Helsinki Monitor* 7. – 1996. – № 3. – P. 41.
- (14) *Fassel D.B.* The Helsinki Accord: A Case Study // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* – P. 138.
- (15) *Oberschmidt R.* Office for Democratic Institutions and Human Rights: An Interim Appraisal // *Helsinki Monitor* 12. – 2001. – № 4. – P. 278.

**CONSIDERING «HUMAN DIMENSION»
OF THE OSCE ACTIVITIES**

A. Astapchuk

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article elaborates on the role of «human dimension» in the activities of the Organization for Security and Co-operation in Europe. The author analyzes principles and features of the measures taken by the Organization in order to provide observance of human rights and freedoms. The author also considers the role that the OSCE plays in European security architecture.

Key words: OSCE, «human dimension», security, human rights and freedoms.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**«ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В ПОЛИТИКЕ И В КУЛЬТУРЕ».
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОСТОК И ЗАПАД:
ПРИОРИТЕТЫ ЭПОХИ»
(МОСКВА, 19 АПРЕЛЯ 2013 Г.)**

Т.Б. Гвоздева

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

19 апреля 2013 г. на факультете гуманитарных и социальных наук РУДН кафедрой Всеобщей истории была проведена конференция «Восток и Запад: приоритеты эпохи. Олимпийские игры в политике и в культуре».

В конференции приняли участие преподаватели кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, кафедры всеобщей истории РГГУ, кафедры древних языков института лингвистики РГГУ, научные сотрудники ИМЛИ РАН, ИММО РАН, института археологии РАН. Заседание открыл заведующий кафедрой всеобщей истории д.и.н., профессор, С.А. Воронин, который подчеркнул важность Олимпийских игр в современной политической и общественной жизни.

Доклад Т.Б. Гвоздевой (РУДН) «Великие Панафинеи – праздник афинской Архэ» был посвящен Панафинеиским играм, которые были созданы по образцу панэллинских игр, в первую очередь Олимпийских и Пифийских, и одно время претендовали на общегреческое значение. В V в. до н.э. связь олимпийского агона с Афинами постепенно уменьшилась. Афины стали претендовать на политическую и культурную гегемонию в Греции. У них успешно развивался собственный панафинеиский агон, и влияние олимпийцев в общественной жизни Афин существенно снизилось. Великие Панафинеи в эпоху Перикла стали главным государственным праздником Афинского Морского союза. В этот период Панафинеиские игры «приблизились» к статусу панэллинских. Их упоминали в эпиникиях и спортивных эпитаграм-

мах всегда в контексте общегреческих Игр. Панафинеи стали праздником афинской Архэ, символом единства Афин и их союзников. Но в отличие от Олимпийских игр, которые были центром «мирного» объединения всех греков, в панафинеином празднике был ярко выражен военный акцент, который впоследствии и стал определяющим фактором Великих Панафинеи, помешавшим им до конца обрести статус панэллинских Игр.

В докладе «Оракул Зевса в Олимпии по свидетельствам современников» *Е.В. Приходько* (МГУ) пришла к следующим выводам.

1. Согласно Пиндару, прорицалище Зевса в Олимпии было основано Иамом по повелению Аполлона, который даровал ему «двойное сокровище пророческого дара» – дарование *мантиса*, т.е. способность общаться с миром богов и постигать их откровения, и дарование *профета*, т.е. умения строить диалог с людьми и в доступной для понимания форме возвещать им волю богов. Эллина верили, что этот дар получал по наследству каждый иамид: и служитель Олимпийского оракула, и самостоятельный прорицатель.

2. Святилище Зевса в Олимпии было настоящим прорицалищем, ибо там незримо обитал оракул – *вещий дух места*, посредством которого осуществлялась связь божества и пророка. Первоначально Олимпийский оракул принадлежал Гее, но затем перешел в собственность Зевса. Согласно Страбону, к началу нашей эры сила этого вещего духа угасла, и прорицалище перестало функционировать.

3. Мантисы Иамиды осуществляли свое пророческое служение не в храме, а на сложенном из пепла алтаре Зевса. Там они совершали сожжения жертвенных животных и благодаря своему пророческому дару истолковывали наблюдаемые при этом знаки проникновеннее простых гадателей.

4. В нашем распоряжении есть единственное свидетельство о возвещенном в Олимпии прорицании, и поэтому не представляется возможности составить «Каталог изречений Олимпийского оракула».

5. После гибели оракула мантисы продолжали свое служение, правда, уже не как прорицатели, а как жрецы, заботящиеся об алтаре Зевса.

6. Историю Олимпийского оракула не следует объединять с историей рода Иамидов и рода Клитиадов. Деятельность многих представителей этих родов не была связана со святилищем, которое никогда не посылало своих прорицателей служить в войске или основывать новые колонии.

В докладе *Л.Ю. Герасимовой* «Храм Зевса в Олимпии – квинтэссенция олимпийских идей классической эпохи» (РГГУ) был дан анализ пластического оформления раннеклассического храма Зевса в Олимпии. В нем нашли отражение общегреческие представления эпохи расцвета эллинской цивилизации. Храм Зевса можно назвать квинтэссенцией олимпийских идей того времени. На восточном фронте, обращенном к месту проведения ритуалов и состязаний, были представлены Пелопс и Эномай перед состязанием и Зевс в роли судьи. Эта сцена напоминала о мифической истории святилища и одновре-

менно отражала общегреческие агональные идеалы. На западном фронтоме, обращенном за пределы священного участка, была изображена кентавромахия с Аполлоном. Этот мифологический сюжет имел более явное общегреческое звучание, утверждая победу закона над беззаконием, порядка над хаосом, необходимость следования в межгреческих отношениях определенным нормам. Метопы, посвященные подвигам Геракла, который был образцом для атлетов, иллюстрируют процесс упорядочивания мира через борьбу с чудовищами.

Доклад *Н.А. Налимовой* (МГУ) «Проблема “Зевса Олимпийского”: датировка, реконструкция, программа (современное состояние вопроса)» был посвящен анализу античных текстов о колоссальной хрисозлефантинной статуе Зевса, созданной в V в. до н.э. афинским скульптором Фидием для главного храма олимпийского святилища. Автор отметила, что, несмотря на обилие информации, мало что известно об этом одном из самых знаменитых произведений греческой классической скульптуры. Обстоятельства заказа статуи, точная дата ее создания, реконструкция ее внешнего облика, расшифровка замысла, лежащего в основе всего скульптурного «ансамбля» – эти вопросы по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенный *Н.А. Налимовой* обзор существующих на данном этапе мнений и подходов к решению ключевых вопросов, связанных со статуей (проблемы датировки, реконструкции, содержания программы памятника) позволяет оценить современное состояние вопроса. Рассмотрение совокупности визуальных источников, на основе которых может быть реконструирован облик «Зевса Олимпийского», дает почву для интерпретации программы памятника, поисков того смыслового и эмоционального посыла, который был в ней заложен. *Н.А. Налимова* предположила, что в качестве одной из ведущих здесь выступает тема соотношения природы божественной и человеческой, кодифицированная в целую систему мифологических образов, обрамляющих и дополняющих центральный образ «универсального» божества.

Д.В. Бубнов (ЦФИ НИУ ВШЭ) в докладе «Олимпийское посольство Дионисия Старшего и проблема происхождения данных Диодора (XIV.109 и XV.7)» рассмотрел вопрос о происхождении сведений об олимпийском посольстве Дионисия Старшего в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. В ходе исследования им был выявлен ряд обстоятельств, позволяющих усомниться в обоснованности распространенного представления о зависимости версий рассказа Диодора от данных Тимея и Эфора, а также о надежности Тимеевых свидетельств, связанных с этим посольством. Предполагается, что в основе обоих сообщений Диодора лежит свидетельство Филиста. Этот рассказ Тимей подверг переработке в антитираническом духе и именно в таком виде он был включен в текст XIV книги. Напротив, в XV книге, возможно, сохранился близкий к первоначальной версии Филистова сообщения пересказ Диодора. Кроме того, сомнение вызывает предложенная Тимеем привязка посольства к олимпиаде 388/7 г. до н.э., более вероятной представляется дата 384/3 г. до н.э.

Доклад *Е.В. Булычева* «Награды победителей Игр в древней Аттике и Северном Причерноморье» был основан на данных эпиграфики, содержащих информацию о проведении локальных Игр в Аттике и Северном Причерноморье. Победители локальных состязаний получали награды, подобные тем, которые вручались победителям панэллинских Игр – лавровые венки и почести в виде постановки статуй и исполнения гимнов, прославляющих их заслуги. В ряде случаев победители получали материальные ценности. Так, на празднестве Анакии в Афинах и играх в честь Аполлона и Ахилла в Северном Причерноморье атлеты могли получить в качестве приза расписную вазу или треножник. На Боспоре среди наград часто встречаются повязки – тении, искусно украшенные местными мастерами. В Херсонесе, в Ольвии и Борисфене часто проводились спортивные соревнования при гимнасиях. В честь победителей, как правило, устанавливалась статуя в самом гимнасии, что считалось весьма почетным. Источниками финансирования этих мероприятий могли служить как вклады частных лиц, так и общественные взносы полиса. За поступлением средств на награды победителей тщательно следили должностные лица полиса – архонты, демархи и фратриархи. Булычева Е.В. доказала, что система награждения спортсменов на локальных соревнованиях в Аттике и Северном Причерноморье во многом копирует общие черты, свойственные для вручения призов на панэллинских Играх.

Доклад *С.В. Новикова* (МГУ) «Традиции агонистики и атлетизма в греческих полисах эллинистического Востока» был посвящен анализу немногочисленных свидетельств эпиграфических и археологических данных по указанной проблематике. Все они происходят из трех греческих полисов восточноэллинистического мира – Вавилона, Селевкии-на-Эвлее, Александрии-Оксианы (позже – Евкратидеи). Автор считает, что выявленные свидетельства могут подтвердить предположение о стойком сохранении гражданами в этих отдаленных эллинских городах традиций далекой метрополии. Враждебное внешнее окружение (как политическое, так и этническое) диктовало полисным коллективам необходимость консервации традиций своей бывшей Родины в отношении физической и военной подготовки граждан и формированию своеобразной «защитной реакции» к иноэтничному и инокультурному окружению их реального бытия.

Доклад *В.О. Никишина* (МГУ) ««Спортивное» амплуа августейшего дилетанта: Нерон в роли возницы» был посвящен императору Нерону, который представлял собой в высшей степени трагикомическую фигуру римской истории. С одной стороны – жестокий тиран, поправший остатки гражданской свободы, сластолюбивый деспот, убийца матери, отвратительный в своем цинизме; с другой – император-комедиант, принцепс-кифаред, поклонник искусства и любимец муз. В правление Нерона в Риме осуществилась известная театрализация политической жизни, превратившейся в некое подобие балагана. Однако эта театрализация происходила на фоне эпохальных

перемен в культурной жизни всего римского Средиземноморья. Нерон пытался заложить основы новой, латинско-эллинской, культуры, превратив *res publica Romana* в монархию эллинистического типа. Новая имперская идеология получила в историографии название «неронизм». Эта идеология, в основе которой лежало греческое агональное начало, должна была заменить собой исконно римскую систему ценностей с ее *mos maiorum*, *pietas* и *virtus*. В контексте этих эпохальных перемен в культурной жизни римского Средиземноморья необходимо рассматривать не только «артистические», но и спортивные увлечения Нерона, из которых на первом месте, безусловно, стоит его увлечение конскими ристаниями.

В докладе «Филэллинство в политике императора Адриана» *И.А. Гвоздева* (МГУ) доказала, что именно в имперский период на территории римской государства греческая атлетика наконец получает распространение. Тот факт, что в греческой агонистике статуса героя может достигнуть любой гражданин, не укладывался в привычное и легендарно оформленное представление римлян о героических древнеримских нравах, носителями которых были только патриции. Но в имперский период Рим уже не мог пройти мимо признания гигантского влияния на все Средиземноморье греческих Игр. Императорская власть вынуждена была считаться с тем фактом, что включение агонистики в «общественный спектакль» Рима теперь уже стало служить основной цели римской идеологии – укреплению культа императора. Задачей имперской политики стало умение инкорпорировать греческие Игры разного уровня в визуальную культуру всего Средиземноморья. Греческий стиль праздников, основанных на агонистике, в Риме постепенно стали переделывать в «спектакль» для народа. Император Адриан способствовал преодолению разницы в восприятии агонистики, построив в крупных городах империи стадионы и гипподромы. Объявив себя покровителем Греции, Адриан особое внимание уделял Олимпийским играм. Благодаря ему Олимпия начала заново отстраиваться. Покровительство греческой культуре проявилось в грандиозной строительной деятельности Адриана на Балканах, и в первую очередь в Афинах (например, строительство Олимпейона). Но каждое культурное событие Адриан направлял на службу главной цели своей политики – усиление влияния Рима, распространение римских принципов жизни, укрепление культа императора.

В докладе *И.А. Савченко* (Институт археологии РАН) «На стыке миров, циклов и ритуала: стадионы для игры в мяч у древних майя» речь шла о стадионах для игры в мяч, появившихся в Мезоамерике около сер. II тыс. до н.э., а в области майя в первой половине I тыс. до н.э. *И.А. Савченко* указал на их особое место в качестве символических «медиаторов», находившихся на стыке нашего и подземного мира, дня и ночи, сельскохозяйственных циклов. Стадионы олицетворяли собой две основные оси – север-юг и запад-восток – имевшие для древних майя особое, сакральное значение и заставлявшие последних строить свои города, архитектурные комплексы и даже отдельные

здания в контексте этой конфигурации. Несмотря на то, что в ряде работ высказывались предположения о том, что линия север-юг может быть связана с изменением положения солнца в течение года, эти гипотезы толком не аргументировались. И.А. Савченко сделал предположение о прямой взаимосвязи между ориентацией стадиона с осью так называемых Е-групп в ее символическом и функциональном значении. Им были использованы новые, в первую очередь археологические данные, публикуемые в научной литературе впервые с согласия директора археологического проекта Накума Я. Жрауки.

В докладе *Е.В. Новоселовой* (МГУ) «Спортивные состязания как элемент ритуала в традициях инкской и мочикской культур» рассматривались спортивные состязания Андской цивилизации, в частности, инкской и мочикской культур на материале испаноязычных колониальных хроник и иконографии мочикских сосудов. Проанализировав спортивные состязания (в частности, «игру в бадминтон» и ритуальный бег у мочика и спортивные соревнования в рамках обрядов инициации у инков), нашедших отражение в вышеназванных источниках, автор пришла к выводу об их тесной связи с ритуалом и подчиненном положении по отношению к нему. Это объясняется, с одной стороны, некоторой архаичностью инкского государства (которое, в свою очередь, было вершиной развития Андской цивилизации), а с другой стороны тем, что оно по своей структуре и характеру не располагало к возникновению самостоятельной сферы досуга.

М.Ф. Надъярных (ИМЛИ РАН) в докладе «Античные маски бразильского спорта» отметила, что спорт пришел в Бразилию как сугубо современный и поначалу сугубо элитарный вид досуга во второй половине XIX в. В согласии с общей программой обустройства национальной культурной идентичности того времени спорт осознавался в качестве объекта «культурного импорта» и изначально наделялся специфической цивилизационной функцией. В хрониках рубежа веков (О. Билак, Э. Коэльо Нето и др.) античный код особым образом сопрягает современность и традицию в пограничном пространстве пересекающихся смыслов «своего» и «чужого». Античная призма видения/воссоздания спорта непрерываемо соотносится с идеей классики и с атрибутами культуры, с построением системы социально ценностных ориентиров (жертвенность, гражданственность, забвение себя ради коллектива и т.д.). Античная перспектива существенно мифологизирует спорт, переносит конкретные спортивные практики на уровень неких спортивно-игровых универсалий. В XX в. античное «обрамление» спорта соотносится с кардинальной трансформацией символически ценностных самоидентификационных ориентиров, в том числе с апологией архаики. Так (в антропологической концепции Ж. Фрейре) становление «бразильского стиля» в футболе сопрягается с восхождением к архаическому синкретизму: идеальный спорт, понимаемый как игра, заново рождается из «бессловесного» танца, из чистого движения свободного тела.

А.В. Хорошева (МГУ) в докладе «Олимпийская идея Пьера де Кубертена и советский спорт в 20–30-е гг. XX в.» показала, что модель соревнова-

ний, популяризированная Пьером де Кубертенем, была основана на принципе соединения различных видов спорта в единое мероприятие, увлекающее зрителя как самими соревнованиями, так и празднествами вокруг них. В 1928 г. в Москве была проведена Спартакиада, организаторы которой за основу взяли именно эту модель, противопоставив свои игры как «буржуазным», так и Рабочим Олимпиадам. Гибкость Пьера де Кубертена, терпимость к национальным особенностям стали залогом долгого и успешного существования Олимпиад, не всегда остававшихся вне политики, но все-таки оказавшихся более устойчивыми, чем их конкуренты – Рабочие Олимпиады и Спартакиада, организаторы которых во главу угла поставили классовый подход. Несмотря на то, что их организаторы преследовали вполне конкретные политические цели, единение трудящихся под различными политическими лозунгами и достижение посредством тренировок хорошей физической формы как залога успешной борьбы со старым миром и строительства нового, альтернативные игры объективно способствовали развитию спорта и демократизации Олимпийских игр, возрожденных в конце XIX в.

Э.Г. Соловьев (ИМЭМО РАН) в докладе «Олимпийское движение и проблемы проекции “мягкой силы” в современной мировой политике» отметил, что в последнее время уделяется большое внимание и идут весомые средства на «формирование имиджа» России. Руководство страны заговорило о необходимости больше внимания уделять «мягкой силе» и проекции российской «мягкой силы» за рубежами страны. Но «мягкая сила» выступает производной от силы «жесткой», т.е. от реальных достижений страны в экономике, от инновационных методов развития, от успехов в сфере развития техники и технологий. Кроме того, на Олимпийских играх проекция влияния той или иной страны невозможна без спортивных успехов. Современная Россия не может пока похвастаться особыми достижениями как в развитии общества и экономики, так и на спортивных аренах. Для того чтобы проекция «мягкой силы» в связи с сочинской Олимпиадой оказалась успешной, следует нарастить потенциал собственной «жесткой силы».

**«THE OLYMPIC GAMES IN POLITICS AND CULTURE»
ACADEMIC CONFERENCE «THE OCCIDENT AND THE ORIENT:
PRIORITIES OF THE AGE»
(Moscow, 19 Aprils, 2013)**

T.B. Gvozdeva

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Гусаров В.И. Средиземноморье – незамкнутый эллипс. – М., 2011. – 350 с.

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

А.М. Хазанов

Институт Востоковедения РАН
Центр исследования общих проблем современного Востока
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Рецензируемая новая книга известного отечественного арабиста и африканиста В.И. Гусарова является результатом его многолетних путешествий по странам Южного и Восточного Средиземноморья, сбора самых разных материалов по этим странам, свидетельств, статистических данных, его личных впечатлений, их внимательного изучения и анализа. Путевые географические очерки удачно сочетаются в книге с научными разделами социально-экономического и исторического характера.

Название книги выбрано по аналогии с геометрической фигурой эллипс, которую напоминают очертания Средиземного моря. И если обычно об определенных ситуациях в жизни и в делах говорят как о замкнутом круге, то в данном случае, используя игру слов, речь идет о незамкнутом эллипсе. Это означает, что автору довелось побывать в подавляющем большинстве стран Средиземноморья, но не во всех. По разным причинам автор не смог побывать в Ливане и Израиле, поэтому эллипс получился незамкнутым.

Структура работы сформирована как по географическому, так и по хронологическому принципам. Это объясняется тем, что в некоторых странах региона автору довелось побывать не один, а два и более раз. В книге – 7 глав, в отдельных разделах которых рассказывается о путешествиях по разным стра-

нам региона, введение («Первое путешествие на Восток») и заключительная глава, посвященная некоторым ключевым моментам истории региона с середины истекшего столетия по первую декаду наступившего XXI в.

Во введении подробно описан многосложный, а порой мучительный процесс оформления, подготовки и переезда из Москвы через Керчь в йеменский порт Ходейду для работы в Представительстве ГКЭС (Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям) в Йемене в марте 1963 г. Гражданское воздушное сообщение с этой страной было приостановлено из-за военных действий, вспыхнувших там после антимонархической и антифеодальной революции 26 сентября 1962 г. В северных и восточных провинциях шли ожесточенные бои йеменских республиканских и египетских войск против монархистов. В условиях войны связь Йемена с внешним миром осуществлялась через Ходейдский порт на Красном море, куда автор и направлялся в составе группы советских специалистов и членов их семей.

С позиций сегодняшнего дня многие условия и инструкции того времени для выезжающих за рубеж представляются не только нелепыми, но даже абсурдными. Но сами рядовые выезжающие ничего изменить в этих инструкциях не могли и были вынуждены полностью соблюдать их, чтобы не подвергнуться наказаниям и моральным репрессиям со всеми вытекающими из этого последствиями.

Первой средиземноморской арабской страной Африки, в которой довелось побывать автору, был Египет. В отличие от многих научных работ по Египту, даже носящих социально-экономический характер, в данном случае описания социально-экономических проблем ведется как бы изнутри, настолько автору удалось проникнуть в их суть благодаря собственным наблюдениям, рассказам коллег, друзей и анализу поступившей к нему извне информации.

А многие из таких проблем вообще нигде ранее в советских публикациях не затрагивались и не поднимались, поскольку были «табуированы» цензурой, хотя все работавшие тогда за рубежом советские люди об этом прекрасно знали и обменивались опытом в коммунальных кухнях. Одной из них было, например, патологическое стяжательство некоторых наших соотечественников, из-за которого его сторонники даже подвергали свое здоровье реальным угрозам.

В основе этого пагубного явления лежал советский хронический дефицит промышленных и бытовых товаров, преодолеть который для себя некоторые работавшие за рубежом соотечественники пытались за счет мер крайней экономии. Справедливости ради надо отметить, что среди них были и те, которые таких мер не придерживались. Автор, в частности, пишет: «Если сотрудники представительств ГКЭС, МВТ, АПН и других организаций знают, что после завершения командировки в Египет и нескольких лет работы дома в Москве они вновь придут в какую-либо арабскую, а может и

в неарабскую страну, то специалисты-контрактники в этом не уверены. Большинство из них полагают, что данная зарубежная командировка для них первая и, скорее всего, последняя. Они стремятся выжить из нее как можно больше валютных ресурсов и приобрести как можно больше всяких товаров. При этом наиболее возжеланным из них была автомашина «Волга». Ради нее многие советские люди были готовы на самую строгую, даже суровую, экономию» (С. 33–34).

Впечатляют читателя страницы главы, в которой рассказывается о визите в Египет в мае 1964 г. тогдашнего советского лидера Н.С. Хрущева. На с. 37 автор констатирует: «Как стало известно в дальнейшем, в мае 1964 г. активно шла подготовка к “свержению” Хрущева. Награждение им Насера и Амера тогдашними советскими наградами было, как гласила народная молва, резко отрицательно встречено в руководящих партийно-правительственных кругах страны. Никто в СССР не был рад и списанию половины египетского долга. Можно смело полагать, что эти валютаристские акции советского лидера лишь ускорили освобождение его от всех партийных и государственных постов».

В двух разделах этой главы проанализировано политическое и социально-экономическое развитие Египта после 1952 г. вплоть до начала XXI в.

На основе этого анализа автор приходит, в частности, к выводу о том, что «на протяжении уже нескольких десятилетий Египет находится в заколдованном социально-экономическом кругу, который медленно, но верно превращается не в расширяющуюся от основания спираль, а в затягивающуюся петлю» (С. 49).

Отметим, что события, начавшиеся в Египте в январе 2011 г., подтвердили справедливость этого вывода.

Глава II «Тунис» – одна из двух наиболее крупных глав монографии. Связано это, очевидно, с тем, что автору довелось побывать в этой стране неоднократно на протяжении более чем 40 лет (с 1968 по 2009 г.). Разделы главы носят многоплановый характер. Здесь и путевые очерки увиденного и пережитого, и историческое исследование – «Возникновение русской общины в Тунисе», и официальное выступление на торжественном заседании Общества друзей Туниса 18 марта 1999 г.

Во всех разделах главы автор не скрывает своих симпатий к Тунису, которому он отдает наибольшее предпочтение среди всех стран юго-восточного Средиземноморья, которые ему довелось посетить. В числе многих причин этих симпатий важное место занимает, как представляется, чувство признательности за то, что эта страна дала в 20-е гг. XX в. приют русским людям и стала для них убежищем от большевистского лихолетья.

Читатель не может не проникнуться уважением к народу и властям Туниса, ставшего независимым государством в 1956 г., за отношение к женщинам и детям, к образованию и науке, к национальным меньшинствам, к развитию иностранного туризма. Не случайно фактически по каждому пока-

зателю, характеризующему человеческую деятельность – от средней продолжительности жизни до охвата школьным обучением и детской смертности, – Всемирный банк считал Тунис вплоть до декабря 2010 г. исключительно успешным в своем развитии.

Это не означает, разумеется, что все политические и социально-экономические проблемы были решены. Отнюдь нет. Иначе бы не случилась «арабская весна», начало которой было положено опять-таки в Тунисе. Несмотря на изоциренную социальную демагогию правящих кругов, в стране постоянно зрело социальное недовольство. До какого-то рубежа его удавалось скрывать. Но как только оно набирало критическую массу, недовольство прорывалось наружу и взрывалось забастовками, столкновениями с полицией и другими формами протеста. Так, при подавлении бунтов в конце 1977 г. – начале 1978 г., согласно официальным данным, 42 чел. было убито и более 300 ранено.

При подавлении «хлебных бунтов» в декабре 1983 – январе 1984 г., согласно опубликованным данным, 89 чел. были убиты и 938 чел. ранены, более 1000 чел. было арестовано.

Нарастание социальных проблем, несмотря на определенные успехи в экономике, привели к перевороту 7 ноября 1987 г., получившего название «жасминной революции». Новая власть декларировала либерализацию экономики, содействие здоровой конкуренции между политическими партиями, создание стабильного общества, которое характеризовалось бы открытостью и терпимостью.

Благодаря принятым мерам, указанным декларациям и социальной демагогии новая власть продержалась почти четверть века, а затем также рухнула под тяжестью нерешенных и не решавшихся проблем.

Глава о Сирии (VI) примечательна тем, что в ней вскрыты и показаны те многочисленные противоречия, мелкие и крупные, в сирийском обществе в год визита в эту страну автора (1988). Эти противоречия, постоянно нарастая, привели к марту 2011 г. к социально-политическому расколу в стране и фактически к гражданской войне с непредсказуемыми на данный момент (март 2012 г.) последствиями. В любом случае власти пошли на отмену чрезвычайного положения, существовавшего в стране с 1963 г., и провозгласили проведение ряда реформ и формирование нового правительства.

Сугубо научный характер носит VIII, заключительная глава книги, под названием «К истории региона».

В ней три раздела. В первом из них – «Северная Африка в годы Второй мировой войны» автор подвергает сравнительному анализу боевые действия в 1942–1943 гг. советских войск под Сталинградом и войск союзников в Северной Африке против немецко-фашистских армий. На конкретных примерах он показывает, как западные военные историки пытаются принизить значение Сталинградской битвы для дальнейшего хода войны, с одной стороны, и преувеличивать значение боевых операций в Северной Африке для окончательной победы союзников, с другой.

Вместе с тем, в свою очередь, советские военные историки принижали роль сражений в Северной Африке и вклада союзных войск в общую победу, а иногда замалчивали их совсем.

Завершаются глава и вся книга разделом о коренных причинах так называемой «арабской весны», начавшихся в Северной Африке в январе 2011 г. Причин этих много, они накапливались долгие годы и десятилетия. Но коренными среди них, по мнению автора, являются две. Во-первых, это демографический фактор, и, во-вторых, отношение к труду.

Согласно официально опубликованным данным, в афро-арабском мире в настоящее время на одну мать в среднем приходится 6,5 детей. Условия жизни подавляющего большинства населения страны этого региона таковы, что из этих 6,5 детей «на ноги» поставить обычно удается лишь одного, который занимает место отца в лавке или на тракторе в поле. Остальные формируют безликую массу маргиналов, люмпенов и попрошайек. Их удельный вес в общей массе молодежи достигает, по имеющимся оценкам, 70%. В случае возникновения каких-либо кризисных ситуаций и социальных взрывов именно маргинальная молодежь выходит на улицы и составляет основную массу бунтующих и зачастую бесчинствующих.

Книга В.И. Гусарова представляет значительный интерес для специалистов по арабским и африканским странам, для тех, кто уже путешествовал по этим краям, и тех, кто только собирается их посетить. Особенно полезна она для студентов и аспирантов, которые собираются посвятить свою жизнь изучению Востока и Африки. В каких-то случаях эта книга может стать для них отправной точкой в этом изучении.

В других случаях они смогут сравнить увиденное своими глазами с тем, что видели их коллеги предыдущих поколений в тех же самых странах. А в сравнениях познается очень многое, как гласит народная мудрость.

REVIEW:

Gusarov V.I. Mediterranean – unclosed ellipse. – M., 2011. –350 p.

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

A.M. Khazanov

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences
Center for Research of general problems of modern East
Rozhdestvenka Str., 12, Moscow, Russia, 107031

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

АНТИГРАБИТЕЛЬСКИЙ ЗАКОН

Б.Г Якеменко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В Государственной Думе в первом чтении принят закон, благодаря которому будет поставлен заслон разграблению российского археологического наследия. Принятие закона сопровождало активное противодействие грабителей этого самого наследия, то есть «черных копателей». 29 июня в центре Москвы на Триумфальной площади прошло любопытное мероприятие. Там собрались грабители археологического наследия и начали протестовать. Согласно современной традиции подменять термины, они именовали себя «любителями детекторного поиска», «поисковиками», «археологами-любителями», «любителями истории» и т.д. Все претензии грабителей к научному сообществу хорошо известны и давно опровергнуты. Пройдемся конспективно по тезисам и обратим внимание на принципиальную разницу между подлинными любителями истории и любителями истории в извращенной форме.

Цель археологии – изучение скрытых в земле памятников прошлого, которыми является широкий спектр артефактов, начиная от монет и заканчивая фрагментами зданий. Задача археологии – не найти очередной памятник, а воссоздать картину прошлого и понять особенности, закономерности, причины исторического процесса, дополнить уже существующую мозаику человеческой жизни минувших эпох новыми фрагментами. То есть главное не артефакт, а информация, содержащаяся в нем. Поэтому исключительно важно, чтобы предмет находился в соответствующем ему хронологически слое, в окружении сопутствующего материала, который может «договорить» за артефакт то, что им недосказано. Поэтому с точки зрения археолога золотая пектораль из скифского кургана и сделанные из скверного серебра финно-угорские украшения имеют одинаковую ценность.

Цель грабителя – сам оригинальный артефакт, а не информация, а также та прибыль, которую он может принести. Выхваченный из слоя, лишенный сопутствующего материала, он превращается в предмет выгодной продажи. Даже если он становится красивым «экспонатом» собрания, он навсегда лишается возможности «говорить» о своем времени. В подлинную катастрофу все это превращается тогда, когда один предмет изымается из комплекса – сочетания предметов в рамках одного погребения, одной постройки, одного культурного слоя. Даже «возвращенные государству» предметы, добытые таким способом, почти не имеют научной ценности.

Для археологов количество находок не имеет никакого значения, грабители же постоянно бравируют тем, что «обогнали» официальную науку по количеству предметов. Это примерно то же самое, как если бы лекарь-любитель гордился количеством прооперированных больных, не обращая внимания на качество операций.

Археологов обвиняют в том, что они не успевают изучить огромное количество памятников археологии. Вспомним известную поговорку: «саперы идут медленно, но лучше их не обгонять». Археология – это наука, а не метрострой. Раскопки это начальный этап очень долгого процесса, итогом которого становится статья, монография, научная реконструкция или реставрация памятника (очень хорошо и популярно этот процесс описан в известной книге А.С. Амальрика и А.Л. Монгайта «Что такое археология». – М., 1966).

Кому выгодны археологические исследования? Обществу. Всем. Новые научные открытия (вспомним, например, хотя бы знаменитые новгородские церкви, открытые несколько лет назад) становятся сначала достоянием небольшой группы ученых, но постепенно, по мере изучения, они входят в вузовские лекции, а затем и дополняют и расширяют собой исторические сюжеты школьных учебников. Это тоже процесс не быстрый, но исторические факты требуют тщательной проверки с тем, чтобы они вели к истине, а не от нее.

Кому выгодно грабительское рытье? Небольшой группе людей. Производителям и продавцам металлодетекторов, продавцам находок и покупателям-коллекционерам. То есть налицо попытка приватизации огромных пластов истории, приватизации, чреватой непредсказуемыми последствиями, о которых мы еще поговорим.

Каковы основные отговорки грабителей? «Примут новый закон, нельзя будет вскопать огород, чтобы не сесть в тюрьму».

Это не так. Огород действительно может быть расположен на археологическом памятнике (например, на Селитренном городище (бывшая столица Золотой Орды Сарай) расположен поселок). Автор этой статьи лет пятнадцать назад возглавлял археологическую практику студентов, которые копали курганный холм, расположенный на дачном участке близ станции Растищево. Значительная часть села Старая Рязань расположена на бывшем посаде бывшей одноименной столицы Рязанского княжества. Все дома Переславля-Залесского, стоящие в кольце валов, стоят на средневековом куль-

турном слое, и т.д. Таких случаев много. Памятник этот может быть зарегистрирован или не зарегистрирован, это не меняет дела. Если хозяин на огороде или при прокладке газа внезапно нашел те или иные предметы человеческой деятельности, он должен принести их в местный филиал Института археологии, в местный музей, и ему помогут разобраться.

А если это уже зарегистрированный памятник, то об этом можно узнать заранее и заранее пригласить специалистов. Все решается цивилизованным путем. «Мы просто монетки ищем». Вранье. Монетками дело не ограничивается, не говоря уже о том, что кроме одиночных монеток (которые, кстати, для любого специалиста лучший датирующий признак поселения) бывают нередко и клады. «Мы их домой носим, собираем». Вранье. За несколько лет видел на вернисаже в Измайлово продажу нескольких кладов, одним из которых был клад из десятков денежных гривен (!), – случай просто уникальный для науки, но наука осталась без этих гривен. Кроме того, а если будет найдено погребение с вещами, его никогда не обойдут стороной. Выкопают и продадут. «Мы любители истории».

Никто не мешает в нашей стране любить историю, но эта любовь должна находиться в цивилизованных рамках.

Тысячи студентов, которые любят историю, каждый год работают в сотнях археологических экспедиций, в которых они изучают методику раскопок, где им читают лекции и учат извлекать из артефактов максимум информации. Эти экспедиции каждое лето работают по всей России – от Калининграда до Чукотки, от Соловков до Астрахани. Можно получить и специальное образование. Так что историю можно и нужно любить. Но бескорыстно и в рамках закона. «Нужно привести наше законодательство в соответствие с западным опытом».

Именно это сейчас и происходит. Напомним, что использование металлоискателей строго запрещено или серьезно ограничено во Франции, Словакии, Италии, Израиле, Греции и др. Ибо там тоже страдают от грабителей, поскольку торговля древностями приносит до 1000% чистого дохода. Например в 1980-е гг. античная ваза, за которую итальянские «копатели» получали 100 тыс. лир, перепродавалась затем за 1,5–2 млн лир. «История не должна принадлежать группе ученых, а должна принадлежать народу. Поэтому пусть все, кто хочет, копают».

Однако, как уже говорилось, «народу» после этого не начинает принадлежать история – ему начинают принадлежать выкопанные из кургана под покровом ночи артефакты. Ибо для того, чтобы стать историком, нужно учиться. Ни один человек не разберется без специальных знаний и квалификации в источниках, прежде всего материальных. Приведите любого представителя «народа» на раскоп и попросите рассказать о том, что он видит по стратиграфии и пятнам после зеркальной зачистки. Едва ли хоть кто-то скажет что-то вразумительное. А приходит археолог-специалист и легко «читает» картину – вот очаг, вот хранилище зерна, вот ряд кольев частокола, вот

следы пожара, вот следы разгрома. Скажет, кто был владелец – ремесленник или гончар. И т.д. И ведь никому не приходит в голову, садясь в самолет, возмущаться – «ну, почему за штурвалом могут быть только вот эти люди в форме? А если мне захочется порулить? Или ему? Почему гражданам запрещают быть свободными?». То есть в случае с самолетом понимают, что такое профессионал и почему ему лучше не мешать. А здесь почему-то любой гражданин, вышедший в поле на досуге «покопать», должен восприниматься как серьезный вызов «официальной» археологической науке и ему нельзя мешать. «Новый “археологический” закон готовили представители только академической науки и не пытались обсудить и согласовать закон с копателями». Вообще-то когда готовится новая редакция уголовного кодекса, ее не обсуждают с уголовниками. Просто так принято – принимать в одностороннем порядке. И все.

А теперь вернемся к «приватизации истории». В последние годы грабители с целью самолегализации и введения в заблуждение людей, не очень разбирающихся в деталях, начали активно создавать «параллельную» историческую науку.

Одним из путей такой самолегализации становятся сегодня издания, выпускаемые сообществами «копателей». Среди этих изданий есть периодика, сборники статей, каталоги-определители, пособия. Все эти издания создают параллельную «серую» археологическую историографию («параисториографию»), создатели которой составляют собой отдельное и непрофессиональное сообщество (подавляющее большинство авторов этих изданий – любители, не имеющие не только исторического, но даже и гуманитарного образования), работающее исключительно с материалами грабительских раскопок. Однако, тем не менее, во всех этих изданиях видны попытки стать частью официальной историографии, ввести материалы грабительских раскопок в официальный научный оборот и тем самым защитить себя от любых претензий специалистов-археологов. Эти попытки видны и по многочисленным, правильно оформленным ссылкам на серьезные научные издания, по пометкам «научное издание», «впервые вводится в научный оборот» и по рецензентам с научными степенями и званиями, главным из которых, к сожалению, уже долгое время является д.и.н. А.К. Станюкович, по серьезным исследователям, которых приглашают для публикаций своих статей в эти издания (так, в «официальном органе» копателей «Родная старина» (ранее «Древности и старина») можно было встретить статьи крупного исследователя В.Г. Пуцко), по инициативам, якобы опережающим современную науку и музейное дело. И таких изданий становится все больше.

В чем их ключевые проблемы? Прежде всего, в дилетантизме авторов, который виден невооруженным взглядом. Но это еще ничего. Гораздо опаснее то, что с помощью такой «параисториографии» в «научный оборот» водится огромное количество подделок, которые публикующие их дилетанты не могут определить, ибо публикуемые артефакты не найдены в земле, а чаще всего приобретены на рынках кладоискателей.

Дилетантский подход, истолкования подделок, примитивные параллели, «смелые», никем не контролируемые выводы, имеют своим закономерным следствием очередную фальсификацию истории, которая, прежде всего, опасна тем, что может попасться на глаза вполне искренним, но еще не очень искусственным студентам-историкам или краеведам.

Сегодня археологическое сообщество научилось противостоять грабителям и их «квазиисторической» науке на научном поле. Проходят масштабные конференции (несколько таких конференций прошли в Общественной Палате), посвященные проблеме грабительских раскопок, выходят специальные издания, инструкции и пр. Создаются сообщества, противодействующие грабителям. Однако в поле археологи не могут противостоять копателям – у них нет ни сил, ни возможностей. И сегодня государство обязано им помочь. Принять закон и тем самым защитить историю и культуру от очередных «приватизаторов». И закон будет принят¹.

ANTI-PREDATORY LAW

B.G. Yakemenko

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

¹ 24 июля 2013 г. поправки к закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» были приняты ГД РФ в трех чтениях. – *Прим. ред.*

НАШИ АВТОРЫ

АКИМУШКИНА Екатерина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ.
E-mail: eakimushkina@mail.ru

АСТАПЧУК Анатолий Игоревич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.
E-mail: astapchuk_a@mail.ru

ВОРОНИН Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов.
E-mail: svoronin.rudn@mail.ru

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

КУДЕЛИН Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН.
E-mail: andkudelin@mail.ru

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом комплексных проблем международных отношений (ОКПМО) Института востоковедения РАН.
E-mail: info@vostokoved.ru

ЯКЕМЕНКО Борис Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России РУДН.
E-mail: borislj@mail.ru

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2013, № 4

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Н.В. Малаховская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Всеобщая история»:
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-12-12
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Подписано в печать 15.10.2013. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 10,7. Тираж 500 экз. Заказ № 1327
Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419; тел.: (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
WORLD HISTORY

2013, № 4

Managing editor *T.O. Sergeeva*
Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *N.V. Malahovskaya*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board
Series «World history»:
Miklukho-Makhlaya Str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-12-12
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-42

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Всеобщая
история»

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Всеобщая история»

Стои- мость	подписки	руб. _____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	руб. _____ коп.		

на 2014 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ
